

Народная
книга

Бессмертный ПОЛК

Первый Украинский фронт
Зайнутдинов
Абдул-Разак Зайнутдинович

Мир
Пусть правят и нас
пожелают в мир
здоровья

Народная книга

Коллектив авторов

**Бессмертный полк.
Истории и рассказы**

«АСТ»

2017

УДК 94(470/23-25) "1941/44"+821.161.1-94
ББК 63.2(2)+84(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Бессмертный полк. Истории и рассказы / Коллектив авторов — «АСТ», 2017 — (Народная книга)

ISBN 978-5-17-102085-9

Каждый год на сайте «Бессмертного полка» (moypolk.ru) появляются десятки тысяч новых семейных историй. Письма, фотографии, воспоминания, выдержки из боевых донесений, наградных документов... Из таких вот историй складывается прошлое, настоящее и будущее России. Сегодня мы представляем вам Книгу Народной Памяти, в которой собрана лишь небольшая часть таких историй. Главные персонажи здесь – простые люди, а авторы – они сами и их потомки... Книга Народной Памяти – это война в лицах и судьбах, это наша с вами история войны. Ваш «Бессмертный полк»

УДК 94(470/23-25) "1941/44"+821.161.1-94
ББК 63.2(2)+84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-102085-9

© Коллектив авторов, 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Предисловие	6
От создателей сборника	8
Роман Сенчин	9
Часть первая	12
На войне как на войне	12
Объяснение в любви	17
Морской конвой и механик Евграфов	24
Ходил в разведку как на работу	34
Командир батареи	42
Предсказание	45
Последний ветеран полка	49
«Как я ходил в партизаны»	55
Вещий сон	57
Рана наяву и выстрел во сне	60
Разведка боем	70
За пять дней до капитуляции	75
Молитва ребенка	78
Впереди орудий	80
«Будь тем доволен, что есть...»	83
Похороненный заживо	88
Дядя Ларывон	91
Питомец «Ребятчей академии»	96
Несломленная яблоня	101
Командир взвода танков	108
Мой дед отражал атаки «тигров» и «пантер»	112
Сын полка	116
Летать хотелось – романтика!	118
Парень из нашего города	123
На войну с Красной площади	129
В застенках концлагеря	133
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Автор-составитель Виктория Шервуд

Бессмертный полк. Истории и рассказы. Народная книга

© Авторы, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

***

Руководитель проекта «Народная книга» *Владимир Чернец*

Координатор проекта «Народная книга» *Владимир Гуга*

Интернет-поддержка проекта «Народная книга» *Татьяна Майорова*

***

Организаторы проекта сердечно благодарят за оказание организационной и информационной поддержки своих партнеров:

Межрегиональное историко-патриотическое движение «Бессмертный полк», Официальный сайт движения «Бессмертный полк», сайт МИПОД «Бессмертный полк»

Межгосударственную телерадиокомпанию «МИР» и лично руководителя Службы интернет-вещания Марию Чегляеву

Штаб «Бессмертного полка» города Маркса Марксовского муниципального района

Газету «Воложка», город Маркс

Движение «Бессмертный полк» в городе Экибастузе (Казахстан)

Городскую газету «Голос Экибастуза» (Казахстан)

Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Дмитровская центральная межпоселенческая библиотека» и лично Анну Шахову

Межрегиональный некоммерческий интернет-проект «Подвигу жить в веках!»

Фонд памяти полководцев Победы и ее председателя Наталью Ивановну Коневу

Руководство муниципального образования «Комендантский аэродром» и петербургскую писательницу Альбину Скородумову

Главного редактора газеты «Полезно пенсионерам» Светлану Васильеву

Предисловие

«...Нашла фамилию дедушки в донесении о безвозвратных потерях. Читаю и плачу. Сама от себя такого не ожидала. Я ведь даже фотографии его не видела. Да что я... отец никогда его не видел: дедушка погиб за месяц до рождения сына...» Это строки из письма, которое пришло на почту «Бессмертного полка». И таких историй много. Люди, которые и не думали заниматься поиском, вдруг находят своего фронтовика в паспорте воинского захоронения или в списках «подворного опроса». И приходит понимание, что есть некая невидимая нить, связывающая поколения. Сжимается сердце, словно случилось все это только вчера – война, разруха, голод... Словно все это – часть тебя самого, часть твоей жизни, твоей судьбы.

Одна из важнейших жизненных ценностей – ПАМЯТЬ. Сколько раз ее пытались и пытаются исковеркать.

На одном из полей сражений поисковики подняли погибшего и захороненного солдата, при нем оказался медальон с фамилией и адресом... Вдове сообщили, в каком бою и когда погиб ее муж. Через много лет она смогла избавиться от клейма жены «без вести пропавшего», то есть «предателя, изменника». Но женщина все эти годы верила, ждала и помнила, что ее муж – герой, защищавший Родину. Страдала от осуждения окружающих, страдали ее дети. Но память оказалась сильнее пропаганды, бюрократии и времени. Сколько таких судеб? Миллионы.

На сайт «Бессмертного полка» приходят сотни фотоотчетов о праздновании 9 Мая. Тысячи фотографий: колонны «Бессмертного полка», люди с цветами и портретами... Но есть и другие снимки: пожилой человек скромно стоит в стороне с выцветшей фотографией в руках, а иногда и фотографии нет, только фамилия, имя и отчество, написанные на листке бумаги. Он словно боится или стесняется присоединиться к общему празднику. Десятилетиями людям вбивалось в голову: «Твой отец пропал без вести, а кто знает, что там было на самом деле?» Нельзя было говорить про «Вяземский котел», про операцию «Марс»... Еще 20–30 лет назад нельзя было писать про войну в Афганистане, «не рекомендовали афишировать» потери в «первой чеченской войне»... Кто знает, может быть, завтра вновь создадут единую для всех историю, в которую вновь не впишутся судьбы миллионов семей. Но сейчас есть возможность найти, нащупать ту самую незримую нить, которая связывает нас с таким далеким и в то же время недавним прошлым. Мы можем воссоздать историю по рассказам наших родных и близких. Еще живых и уже ушедших очевидцев тех событий. Право на личную, семейную ПАМЯТЬ – это благо, которое сегодня есть у нас. Так же, как и возможность поделиться ей с другими.

Каждый год на сайте «Бессмертного полка» (moypolk.ru) появляются десятки тысяч новых семейных историй. Письма, фотографии, воспоминания, выдержки из боевых донесений, наградных документов... Пройдут десятилетия, представители новых поколений, праправнуки воинов и работников тыла, будут читать эти истории. И кто-то спустя пятьдесят, сто лет вновь напишет: «...Читаю и плачу. Сама от себя такого не ожидала...». Это и есть реальная, не придуманная история семьи. Из таких вот историй складывается прошлое, настоящее и будущее России.

Сегодня мы представляем вам Книгу Народной Памяти, в которой собрана лишь небольшая часть таких историй. Главные персонажи здесь – простые люди, а авторы – они сами и их потомки. Составители сборника сознательно не искали знаменитых артистов, популярных политиков. Главный критерий отбора – жизнь и судьба простого человека: солдата, труженика тыла... Книга Народной Памяти – это война в лицах и судьбах, это наша с вами история войны.

Ваш «Бессмертный полк»

Сергей Лапенков, Сергей Колотовкин и Денис Бевз (Томск), Юрий Пургин, Вячеслав Сметанников и Александр Копейка (Алтайский край), Ксения Карпычева (Благовещенск), Светлана Некрасова (Архангельск), Елена Поротикова (Астрахань), Ирина Конева (Белгород), Вячеслав Черепяхин (Волгоград), Максим Толстов (Урюпинск), Юлия Арсеньева (Вологда), Елена Салтыкова (Зима, Иркутская обл.), Сергей Якушев (Калининград), Павел Селезнев (Калуга), Наталья Назарова (Монреаль, Канада), Игорь Вариченко (Петропавловск-Камчатский), Татьяна Думенко (Кемерово), Максим Кутрунов (Прокопьевск), Татьяна Яковчук-Жигулина (Тольятти), Владимир Щербаков (Рязань), Наталья Донских (Сеул, Корея), Сергей Рогов (Горно-Алтайск), Анна Маркова (Кострома), Татьяна Патанина (Красноярск), Сергей Харшин (Ачинск), Андрей Воронцов и Ярослав Фомин (Курган), Евгений Голуб (Ленинградская обл.), Михаил Чураков (Луга), Светлана Иванова (Переяславль-Залесский), Вероника Крылова (Москва), Руслан Шабаев (Московская область), Екатерина Игнашева (Мурманская область), Антон Иванов (Рыбинск), Евгений Рожков (Великий Новгород), Ирина Рудковская (Новосибирск), Надежда Рипинская (Орел), Татьяна Богатенкова (Оренбург), Татьяна Артюнина (Псков), Вадим Курилов (Уфа), Владислав Кан-оол (Тува), Всеволод Пименов (Абакан), Анна Отмахова (Пермь), Евгений Головин (Хакасия), Оксана Ачкасова (Чебоксары), Григорий Кунис, Наталья Дмитриева и Игорь Дмитриев (Санкт-Петербург), Олеся Глушкова (Первоуральск), Елена Яценко (Новоуральск), Елена Сухих (Нижний Тагил), Денис Ражин (Лесной, Свердловская область), Александр Дядюк (Ставропольский край), Евгения Тайцай (Кисловодск), Денис Ушаков (Пятигорск), Ольга Ванюшкина (Ульяновск), Иван Коваленко (Симферополь), Андрей Булавинцев (Ялта), Светлана Чуйко (пос. Провидения, Чукотка), Алексей Мирошниченко (Ярославль), Петр Пицко (Брест, Республика Беларусь), Юлия Клинкович (Республика Казахстан), Алена Смирнова (Кыргызстан), Софья Парфенова (Австрия), Ксения Тимбай и Мария Плотникова (Австралия), Ирина Гончарова (Антверпен, Бельгия), Полина Босилкова (Болгария), Яна Заугарова (Берлин), Бория Зильберберг (Гамбург), Натан Гринберг (Израиль), Игорь Братушка (Кипр), Кристина Бутусова (Дублин, Ирландия), Ефим Тойбин и Марина Иванникова (США), Татьяна Дале (Норвегия), Елена Тимофеева (Пекин, Китай), Марина Федорцова (Джакарта, Индонезия), Анна Мантере (Хельсинки, Финляндия)

От создателей сборника

Дорогие читатели!

С каждым годом все больше участников акции «Бессмертный полк» выходят на улицы, чтобы почтить память своих прошедших через войну героических родных. Этот парад – яркое свидетельство сплоченности и единства нашего народа. Еще одно свидетельство – этот сборник, в создании которого приняли участие самые обычные люди.

Материал книги «Бессмертный полк» собирался с 22 июня по 30 ноября 2016 года. За это время организаторы проекта получили сотни текстов, фотографий, фронтовых писем, оперативных карт, наградных свидетельств, похоронных извещений и других важных документов, свидетельствующих о жизни и подвигах бойцов «Бессмертного полка». Но главное, это человеческие истории. В них – настоящая правда о войне. Правда, ставшая предметом гордости детей, внуков и правнуков победителей. Авторы историй, попавшие в сборник, – люди разных профессий, разного возраста. Еще живы, к счастью, ветераны, которые рассказывают о войне от первого лица. Есть среди них и такие, кто перешагнул столетний рубеж. Но большинство авторов пишут о старшем поколении – родителях, дедах и прадедах. О том, как учились воевать, преодолевали страх, как встречались с врагом лицом к лицу. Как голодали и работали на износ в тылу, как ценой своей жизни спасали других.

Герои книги – мальчишки, которые рвались на фронт, добавляя себе возраст. Семнадцатилетние девчонки, обивавшие пороги военкоматов, чтобы получить возможность защищать Родину. Безвестные труженики тыла, солдаты, пропавшие без вести, даже жертвы культа личности, которые оставались патриотами. Матери, спасавшие своих детей в нечеловеческих условиях. Дети-партизаны, для которых риск стал образом жизни. Дедушки, отправлявшиеся на передовую. Наивные, бесстрашные, романтические, лишенные иллюзий, молодые и старые, наши родные, на долю которых выпало огромное испытание под названием Война. И огромный труд. Без них не было бы нашей страны и нас с вами.

Они уходят от нас в Вечность. Но народная акция «Бессмертный полк» продлевает им жизнь, побуждает нас, потомков, вспоминать о своих родителях, дедах и прадедах, об их славных делах.

К сожалению, объем сборника не позволил включить в него все истории – много достойных текстов осталось за кадром. Все истории «Бессмертного полка», в том числе не вошедшие в сборник, опубликованы на соответствующей странице проекта «Народная книга» на сайте nk.ast.ru.

Спасибо всем партнерам, участникам, читателям проекта «Бессмертный полк. Народная книга»! Но главное – спасибо всем авторам, которые внесли свой вклад в нашу общую историю, в историю «Бессмертного полка». Наш парад продолжается!

Роман Сенчин

Хочу поделиться с вами...

«Бессмертный полк» появился как нельзя вовремя – ветераны, которых, к сожалению, остается всё меньше, видят, что Победа не стирается из народной памяти, не теряет своей великой ценности.

Подобные шествия происходили и раньше, но эпизодически, локально. Тогда ветераны были рядом с нами, они жили в каждом доме, и казалось, что так будет всегда. Но время неумолимо. Несколько лет назад умер последний на планете ветеран Первой мировой, так же в недалеком уже будущем мы проводим последнего ветерана Второй мировой, Великой Отечественной. Но эта война и эта Победа не должны стать событием отдаленного прошлого. И главный способ не сдать их в архив истории – живая память.

Мои родители появились на свет в Сибири во время войны. Мама в 1943-м, отец – в 1944-м. Один мой дед, отец мамы, Павел, был инвалидом – повредил глаз еще в детстве, поэтому на фронт не попал; другой дед, Петр Платонович, оказался в Красноярске в 1942-м или 1943-м с тяжелейшим ранением – осколком была пробита насквозь грудь.

Красноярские госпитали являлись одними из самых восточных в стране, туда направляли в основном тех, кто вряд ли уже встанет в строй.

Моя бабушка, баба Наташа, мама отца, была санитаркой в том госпитале, где лежал Петр Платонович. Там они познакомились, а позже поженились. У них родились двое сыновей... Петр Платонович умер, когда старшему, моему отцу, было 13 лет. Умер от раны: отец запомнил, что каждый день баба Наташа делала деду перевязку – рана так и не заросла...

Откуда он родом, как жил до войны, долго ли воевал, отец не знает: был мал расспрашивать. Позже, уже после смерти бабы Наташи, взрослым мужчиной, корил себя. Да и не принято, говорит теперь, семидесятилетний, было расспрашивать в то время. Дед имел какие-то награды (в то время юбилейных еще не вручали, значит, боевые), ими играли сыновья...

О ранении дед как-то сказал коротко в разговоре не с сыновьями, а с фронтовиками, но отец услышал: «Мина шмякнулась рядом, и – вот...» Осталось несколько фотокарточек, среди которых две, где он в форме, но разобрать звание, род войск – невозможно.

В общем-то типичная история... Только сейчас по-настоящему возникла потребность узнать, найти, собрать. Это стало делом не горстки энтузиастов, а поистине всего народа. Большею части народа, вернее.

Выходят сборники писем с фронта и на фронт, публикуются солдатские дневники, которые, как доказали историки, вести никто не запрещал, но требовалось, конечно, не писать в них военные тайны; публикуются биографии воинов, и не только героев, но и рядовых «рабочих войны».

Героями были, по большому счету, все. И выражение «всенародный подвиг», это правда... Вспоминаю, один свой уже давний разговор с летчиком, ветераном войны. О боевых вылетах, как я его ни пытал, он почти ничего не рассказал, морщился, уходил от этой темы. Зато подробно описал, как ездил на военный завод на Урале за новыми самолетами.

Их группа добралась на поезде, поселилась в гостинице-казарме и стала ждать вылета обратно на фронт. Прошел день, другой, третий... Летчики стали возмущаться: «Когда? Там бои, а мы здесь прохлаждаемся!» Кто-то из заводского начальства сначала успокаивал, что вот-вот, а потом сказал: «Пойдемте». И завел летчиков в цех. И дальше ветеран заговорил со слезами в голосе, да и на глазах, помню, выступили слезы, поползли по морщинам: «А там пацаны за станками лет двенадцати на ящиках стоят... Девчата с кувалдами... Мы заткнулись и больше не торопили...»

И потому, когда я вижу на шествии «Бессмертного полка» портреты людей с медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «Труженику тыла» – становится особенно... нет, не радостно, а тепло, что ли... Победу добывали не только солдаты, весь народ можно назвать участником той войны.

Отец Елизаветы Емельяновой, моей жены, Анатолий Федорович, воевал. Ушел на фронт в неполные шестнадцать лет, подделав год рождения. Был высокий, рослый, сибирский парень из знаменитого села Сухобузимское. Был артиллеристом, встретил Победу восемнадцатилетним лейтенантом. Потом всю жизнь прожил с документами, по которым был на три года старше.

У жены хранятся несколько фронтовых писем Анатолия Федоровича. И по ним видно, что это совсем мальчишка, почти подросток. Подросток, который командует взрослыми мужиками, видит смерть и получает пули (был два раза ранен).

Наша семья участвовала в шествии «Бессмертный полк». Мы не обсуждали – идти или нет. Это наш долг.

Увеличили фотокарточки; я раздобыл рейки, распилил кусок ДВП, ошкурил края, а дочки наклеили на них белую бумагу, на бумагу – фотокарточки, ниже красивыми, большими буквами написали – «Емельянов Анатолий Федорович», «Сенчин Петр Платонович».

Прошли в Москве. От Белорусского вокзала до Замоскворечья.

Не знаю, как там было в голове колонны, а у нас – трудно сказать, в середине или ближе к хвосту (людей без всякой метафоричности собралось море) – царила торжественная печаль. Печаль не только по погибшим, а по тому поколению, что уходит... Не было выкриков типа: «Можем повторить!» Иногда пели песни военных лет, но не боевые, а – «Бьется в тесной печурке огонь», «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат»... Транспаранты люди несли в основном самодельные, сделанные, как и мой, своими руками.

Очень трогательны (хотя это не то слово, конечно) были старушки, судя по всему одинокие, которые держали в руках просто потрескавшиеся, изломанные карточки. Нет у них возможности сделать, или купить, или где-то взять транспарант, не знают, где увеличивают фотографии. И вот они идут в огромной колонне, медленно, отставая, отходя в сторону, чтоб передохнуть. Дочери, а может, и вдовы солдат...

Поразила моральная и нравственная самоорганизация сотен тысяч людей – а когда мы оказались на Красной площади и Москворецкой набережной, стало ясно, что людей действительно сотни тысяч, – ими, кажется, владело единственное чувство: благодарность к тем, кто отстоял страну. Настоящую благодарность не проявляют бурно, ее не выкрикивают... И еще – всех связывала Память. Даже совсем молодых, даже детей, многие из которых наверняка никогда не видели своих дедов и прадедов.

Оглядываясь вокруг, радуясь в душе, что людей так много, я не мог отделаться от жуткого ощущения огромной утраты: миллионов прервавшихся родов, пресекавшихся фамилий. Одни погибли в боях, другие – во время блокады Ленинграда, третьи – в концлагерях, четвертые – на оккупированных территориях, и так далее, так далее...

В этой толстой книге лишь малая часть историй, рассказов о своих близких, погибших и выживших в той страшной войне, что пришли на сайт «Бессмертного полка». Есть и свидетельства участников – ветеранов войны и труда – но немного. Их, тех, кто победил, всё меньше и меньше.

И тут хотелось бы обратиться к молодым людям, у кого живы бабушки и дедушки. Не обязательно воевавшие, трудившиеся в тылу. Военное поколение – это очень широкий слой людей. Дыхание войны, следы войны чувствовались еще многие и многие годы после Салюта Победы.

Поторопитесь, расспросите старых людей о прошлом, о том, каким было их детство, из чего складывалась их жизнь, какие были радости, разузнайте вроде бы малозначительные

мелочи, детали. Всё это окажется очень важно не только для вас, но и для той великой истории нашей страны, что собирается, сшивается из человеческих историй.

Почти в каждом рассказе, вошедшем в эту книгу, есть фраза вроде такой: «Хочу поделиться с вами...» Несколько смущенная интонация, но это правильно – о сокровенном, о родном нужно говорить сокровенно. Тем ценнее ваш рассказ. И каждому – не только тем, чьи рассказы вошли в эту книгу, но и всем приславшим, – хочется сказать: «Спасибо, что поделились. Спасибо».

Часть первая На фронте

На войне как на войне

Сегодня мне 95 лет, я ветеран ВОВ. Во время Великой Отечественной был командиром артиллерийской батареи. Награжден пятью орденами: орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I степени и двумя орденами Отечественной войны II степени. Имею 20 правительственных медалей, в том числе две международные – от правительств Монголии и Чехословакии.

Марк Маркович Сегаль

Оглядываясь назад, могу сказать, что самое яркое, что было в моей жизни, то, что отложилось в памяти, – это, конечно, Великая Отечественная война.

Она для меня началась буквально с первых часов. В июне 1941 года я уже служил в армии на Украине, был младшим политруком. Наша часть называлась ВНОС (выявление, воздушное наблюдение, оповещение, связь). Мы вели наблюдение за «воздухом» и докладывали начальству о том, в каком направлении и в каком количестве летят самолеты. Стояли мы недалеко от границы с Румынией – союзником Германии.

22 июня – мой день рождения. Я сидел на скамеечке с очаровательной девушкой, говорили о жизни, книгах, строили планы. Вдруг около пяти часов утра над головой – гул. Над нами – низко-низко самолеты с крестами. Война. Я поспешил в свою часть...

В том, что война будет, я не сомневался. И не только я. За месяц до вторжения у меня на руках был официальный документ о том, что война неизбежна. Мы только не знали точную дату. Так что шока по этому поводу не было. Удивило другое: несмотря на то что у

нас было больше боевой техники, технических возможностей, оружия, мы терпели поражение за поражением. И только потом уже появилось серьезное сопротивление. Мы научились воевать.

Уроки мужества

Было ли мне страшно? Конечно! Особенно когда мы попали в окружение, надо было из него выходить, и мы лицом к лицу встречались с немцами. Через каждые десять – двадцать метров шли наши солдаты, переодетые в гражданскую одежду. Мы – на одном берегу, немцы – на другом. Встретились на мосту. Вот где страшно было! Немец увидел меня и радостно так спрашивает: «Desertieren?» Прошло время, и ситуация изменилась, теперь мы наступали.

Если говорить о мужестве, бесстрашии, то уроки такого мужества, иногда отчаянного мужества, нам давали женщины на войне, особенно санитарки.

Марк Сегаль в годы войны

Помню такой эпизод. Мы были в заграждении, немцы от нас – на расстоянии в триста метров, шла перестрелка. Между нами и врагом, чуть не посередине, лежит наш раненый солдат. От нас до него – метров сто пятьдесят. А как вытащить? Светло, не подползешь. И наша санитарка, Галей ее звали, стала на нас кричать: «Почему вы здесь, когда он там ране-

ный лежит?» И полезла его спасать. Мы ее стянули в окоп за ноги. Объяснили, что дождемся ночи. Солдата спасли.

Разное на войне было. Воевал я на Юго-Западном, Воронежском, Центральном, на 1-м и 3-м Украинских фронтах, был и на Забайкальском фронте. Два моих брата полегли в войну: старший – под Сталинградом, второй – под Ленинградом.

Победу встретил в Праге, 8 мая 1945 года. Знаете, когда мы ехали, нам навстречу шли машины с немцами, румынами, венграми. Там совсем мальчишки были – 16–17 лет. И мы поднимали руки, приветствуя друг друга, потому что обе стороны, хотя и не было никаких официальных актов о капитуляции, знали: война закончилась. В Праге нас встречали цветами. Вы не представляете, какая была радость!

Мы пробыли в столице Чехословакии больше двух месяцев. Даже успели съездить на автомобиле в Австрию и посмотреть Вену. А что? Молодые были, любопытные. Гулять так гулять! Потом нас перебросили на Забайкальский фронт, и войну я закончил в Порт-Артуре, 14 августа 1945 года.

Мексиканский киллер

В мирное время серьезно занялся филологией. Со школы неплохо знал немецкий язык. И когда в плен попадали немцы, то их первичной «обработкой» занимался именно я. Выяснял фамилию, звание, номер части. Языки мне всегда нравились, однако, когда демобилизовался (еще год прослужил в Китае), то первым делом поехал в Москву – поступать в Институт внешней торговли. Опоздал на несколько дней. Председатель приемной комиссии увидел мои ордена и сказал: «Идите к министру внешней торговли Анастасу Микояну, он поможет».

А я... не пошел к Микояну и уехал в Ленинград, поступил в Первый ленинградский государственный педагогический институт. Тогда их в Ленинграде было два. Проучился четыре года, окончил вуз с красным дипломом. И в этот момент поступила заявка из Института имени А. И. Герцена – прислать выпускника. Выпускников было трое, но после сложного тестирования выбрали именно меня. Я проработал в пединституте (уже потом он стал университетом) шестьдесят лет, являюсь автором целого ряда оригинальных научных и научно-методических работ и одним из создателей первого в нашей стране учебника английского языка с аудиоподдержкой.

Знаю английский, немного французский, немецкий. Моя специализация – теоретическая фонетика и страноведение (Великобритания и США). Очень долго занимался методикой изучения иностранных языков. В нашем институте была создана лаборатория устной речи – ЛУР. Работа была очень интересная, к тому же она давала возможность много ездить по нашей стране, выезжать на Запад и в США.

Я влюблен в путешествия! «Пропахал» почти всю Европу, неоднократно был в Англии, объездил 20 штатов в Америке. Пять раз был в Израиле, где прошел по стопам Христа.

Путешествия – это новый мир, новые люди. Знаете, в Техасе со мной произошел забавный случай. Возле мексиканской границы заглянул в бар. Кроме меня, там был типичный мексиканец: сапоги, шляпа, усы. Долго меня разглядывал, потом, видимо, разглядывать надоело, подсел ближе. На ломаном английском языке спросил, откуда я. С гордостью ответил: Россия, Санкт-Петербург. Он оживился: в первый раз, мол, вижу русского. Выпили мы с ним. И он вдруг говорит: «Марк, я мексиканский киллер. Убиваю людей за деньги. Но ты, Марк, очень хороший парень, поэтому я убью тебя бесплатно». И мы расхохотались. На том и расстались...

Меня часто спрашивают – хотел бы я эмигрировать? И я всегда отвечаю им так: «Никогда! Здесь – мой дом, город, родной университет. Здесь моя жизнь...»

Марк Маркович Сегаль

Объяснение в любви

О моем папе, Элконине Михаиле Борисовиче (1.11.1924—10.01.2010)

В течение всей своей жизни я пыталась найти ответ на вопрос «Почему мы называли наших родителей поколением динозавров, которое вымирает», причем называли с восторгом, восхищением, уважением. Почти у всех девочек и мальчиков, с которыми я училась в школе, были потрясающе интересные родители. Вначале мне казалось, что это из-за того, что школа привилегированная, единственная в городе английская школа, и народ в ней был соответственный. Но время идет, и я все лучше и лучше понимаю, что дело совсем не в этом. Просто наши отцы 17—20-летними мальчишками по шли на войну и сумели пройти ее, не сломавшись. После войны, в мирное время они чувствовали себя такими счастливыми своим честным, добрым, заслуженным счастьем, что их радостное состояние распространялось на всех, кто был рядом с ними.

В настоящее время много говорят о негативном влиянии войны на характер человека. Пытаются объяснить какие-то травмы психики, которые люди получили на разных войнах. Слава богу, мы тогда ничего этого не знали, а наши отцы излучали такое тепло, словно они пытались «миром дома своего» компенсировать себе страшные годы, которые они провели на войне.

Интересно, что папа о войне рассказывал очень просто, без пафоса. То расскажет, как он научился паковать походную сумку, когда я не могла разумно запихнуть книжки в свой неподъемный портфель, то расскажет, как они держали хлеб свежим, завернув его в бумагу, чтобы до следующей стоянки он, не дай бог, не перестал быть вкусным. С папой рядом хлеб действительно был всегда вкусным. Единственное, что его всегда огорчало, это, если я не доедала хлеб, а оставляла его на тарелке. Он меня не стыдил, но молча доедал за мной.

Они были какие-то другие, наши отцы. Из какого-то другого мира. А уж как самозабвенно любили своих дочек (это, правда, не мешало им любить наших мам!). Их любовь была сильной, доброй. Они ее не скрывали, не стеснялись обнимать и целовать наших мам у нас на глазах. Это казалось нормой, хотя и резко контрастировало со сдержанностью нашей той жизни.

«У тебя какие-то странные родители, — часто говорили мне учителя в школе. — Не ругают за оценки, разрешают проспать пару уроков. Какой ты вырастешь при таком воспитании?» Забегу чуть-чуть вперед и скажу: выросла нормальным, ответственным человеком, прошла через сумасшедший конкурс и поступила на филфак, была не последней студенткой, уже больше 40 лет работаю в том же университете и «сею разумное, доброе, вечное».

Картинка получилась лубочная, но в ней ни слова неправды. Да, любили, любили меня родители до умопомрачения, потом так же любили мою дочь, свою внучку. И ничуть они нас своей любовью не испортили. Наоборот! Когда я начала писать о папе, я вдруг поняла, что в моем восприятии папа и мама были едины, а я была словно в «защитной броне» их любви.

О войне папа рассказывал многое и разное: про то, как часто не успевали подвезти патроны или велели «взять высоту» — домик на железнодорожных путях. А папа издали видел две большие и одну маленькую фигуры. Прежде чем стрелять, он пополз туда посмотреть. Стариков с девочкой спас, а его самого ранило. Но и тут папу спас его ангел-хранитель. Можно не верить в ангелов, но чем тогда объяснить то удивительное везение, которое сопровождало папу по жизни. Я не говорю, что он не видел горя. Много видел: его любимого папу арестовали в 1939 году, а расстреляли в войну. Его могила не найдена, о судьбе ничего не известно, и такая неопределенность хуже самой горькой правды. С 15 лет мой папа стал единственным мужчиной в семье, где остались только его мама и сестра.

И все же у него был какой-то очень сильный ангел-хранитель. Моя бабушка по маминской линии говорила, что «рука дающего никогда не оскудеет». Я долго не понимала, что значит «оскудеет». Бабушка объяснила: «не останется пустой». Так она учила меня не быть жадной. И, словно по бабушкиной поговорке, за любой папин поступок ему воздавалось сторицей. А он любил делиться, отдавать, помогать людям. И тут тоже произошло чудо, вернее, несколько чудес. Хотя папу и ранило, когда он пытался спасти людей из домика на пригорке, и вокруг шел кровавый бой, папин друг сказал ему, что вернется за папой ночью и дотянет его как-нибудь до дороги, где его подберет какая-нибудь машина и отвезет в госпиталь. Друг вернулся, до дороги папу дотянул, машина его подобрала, и в госпиталь папа попал. И снова чудо: в госпитале папе хотели ампутировать ногу, так как уже началась гангрена, но доктор, делавший обход, сказал, что если найдут где-нибудь кислородный баллон, то, может, и получится спасти ногу. Баллон нашли, хоть и не сразу. А пока искали, молодая медсестричка сказала папе, что вы ходит его, что будет бороться и не даст лишить его ноги, пока в городе не найдут баллон. Она не спала несколько ночей, меня папе повязки, и все получилось. Позднее она рассказала папе, что загадала, что если ей удастся спасти папу от ампутации, то и ее жених вернется с вой ны живым. Так и вышло, словно папин ангел помог и ей. А после этого опять «не оскудела рука дающего», и папа встретил мою маму. Он впервые увидел ее в свои 6 лет, потом в семнадцать встретил ее 21 июня 1941 года на вечере в музыкальном училище, хотел подойти и познакомиться, но она пользовалась слишком большим успехом, и папа решил, что сделает это позже. А следующая их встреча произошла уже в консерватории в конце 1947 года, когда им обоим было по 23 года. Снова папу защитил его ангел. Когда они встретились вновь, папа уже не стал ничего выжидать. Прошло немногим больше года, и родилась я.

Виктория Тюменева (жена М. Элконина)

Вместе они прожили более пятидесяти лет, рука об руку шли по жизни, вместе выступали на сцене: она – пианистка, а он – альтист. Вместе дома растили дочку, потом внучку. Расстались только на девять лет, когда в 2001 году умерла мама, а папа умер в 2010-м. Хочется надеяться, что там они встретились.

Странно, но папа считал, что война ему дала очень многое. На ней он очень многое понял, встретил настоящего друга. Во время войны по-новому высветились его отношения с его сестрой и мамой. Сестра даже «пожертвовала» ему свой аттестат зрелости.

Дело в том, что папа не успел закончить школу и получить аттестат перед войной, а когда он демобилизовался в 1947 году, уже не было времени идти в вечернюю школу и досдавать оставшиеся экзамены, надо было зарабатывать и получать профессию. В консер-

ваторию его взяли без экзаменов, закрыв глаза на тетин аттестат. В то время пришедшим из армии старались всячески помочь вернуться к нормальной жизни. Так папа и стал музыкантом, поскольку в детстве он учился в музыкальной школе.

Во всех рассказах папы о войне никогда не было ни тени хвастовства, ни намека на героизм, но в них угадывалось его редкое уважение к человеку, любому, неважно, большому или маленькому, главным во всем этом была папина уверенность, что нет ничего на свете ценнее жизни человека.

У него это, видимо, было от его отца. Когда-то мы смеялись, что папа делал много ошибок, когда писал. А он, ничуть не смущаясь, отвечал, что его учили дома бабушка и дедушка (они были учителями), а в школу они с сестрой несколько лет вообще не ходили. Ну я, конечно, засыпала его вопросами: А как это? Почему? Можно ли мне так? И папа рассказал, как он, впервые пойдя в первый класс, вернулся из школы и с восторгом стал рассказывать про то, как они были в школе на линейке вместе со взрослыми пионерами и даже «голосовали» за то, чтобы поймать, посадить и расстрелять самого... – не помню кого, но имя было какое-то исторически известное из окружения Ленина – Сталина.

Его дедушка побледнел и резко сказал: «Ты больше никогда не будешь голосовать за смерть или за увольнение кого-то. Не ты дал человеку жизнь – не тебе ее отбирать. Так же стыдно лишать человека куска хлеба. Запомни это, хоть ты еще маленький!»

С этого дня ни папа, ни тетя в школу не ходили. Папин дедушка считал, что в этой школе ничему хорошему научиться нельзя, раз они отвергают базовые человеческие ценности. В этом он был тверд. Школа, кстати, была знаменитая, немецкая: то ли Петершуле, то ли Аннашуле, но для папиного дедушки это значения не имело.

Много лет прошло с тех пор. Я уже была взрослой, когда однажды вечером папа рассказал мне удивительную историю.

Дело было в самом начале войны. Он воевал на Ленинградском фронте (попал туда, прибавив себе год или два), был на самых страшных фронтах, на Невском пятачке, где боевые действия практически не останавливались. Папа, правда, говорил, что к ночи все затихало, и многие ложились спать, но кто-то дежурил и «держал врагов на прицеле». Жили бок о бок. Папа часто вспоминал запах немецкой тушенки. Когда ветер был в их сторону, то доносился этот запах, и очень хотелось есть.

Михаил Борисович Элконин

О блокаде папа говорил редко. Может быть, потому, что не хотел вспоминать, как на всех ленинградцев свалилось испытание голодом, а он сам, будучи семнадцатилетним мальчишкой, лежал на кровати и ничего не хотел делать. Его мама и сестра буквально «вытолкали» его на фронт, чем спасли ему жизнь. Весь его класс – он учился в капелле и пел в хоре мальчиков – умерли в блокаду от голода, а он с другом, прибавив себе по году, ушли на фронт, были в самой страшной ленинградской мясорубке, оба были ранены, но выжили. Потом друг стал дирижером, а папа вернулся в Ленинград, в свою музыкальную школу, поступил в консерваторию по классу альты и стал музыкантом. Окончив консерваторию, он несколько лет поступал по конкурсу в знаменитый оркестр Ленинградской филармонии и

наконец с седьмого раза поступил и всю свою жизнь проработал в оркестре Мравинского. Папе не все давалось сразу, но он добивался своего. Он мечтал играть в белоколонном зале под хрустальными люстрами, и его мечта исполнилась. Этот оркестр имеет прямое отношение к моему рассказу и той удивительной истории, которую я услышала от папы.

Мы остановились на том, что на Ленинградском фронте по ночам все затихало, и казалось, что все было как в мирной жизни. Папа пошел за куст. Он смеялся, когда рассказывал мне эту историю: «Стою я за кустом и слышу звук струн с другой стороны куста. Оглянулся – немец, такой же смешной, такой же «бесштаный», как и я, в очочках, глаза за стеклами огромные, грустные. Мы с ним встретились взглядами и повернулись друг к другу спинами». После этого папа перестал смеяться, потому что, видимо, хотел объяснить мне что-то очень важное для него. «Понимаешь, – сказал он, – одно дело война, когда враг далеко от тебя, и ты стреляешь, но не видишь, в кого ты стреляешь. Совсем другое дело, когда человек рядом: он такой же, как и я. Не помню, был ли я с оружием, да это было не важно. Я просто повернулся спиной и пошел, не ускоряя шага. Не знаю, почему, – но я был уверен, что он не выстрелит. Я часто потом задавал себе вопрос, мог ли бы выстрелить я. Думаю, что не смог бы. У нас обоих была одинаковая судьба: мы оба мальчишками попали на фронт. В чем мы могли быть виноватыми друг перед другом?»

Папа редко говорил о войне. Казалось, что в этих воспоминаниях скрывался для него какой-то вопрос, а может быть, и ответ. У него была своя философия и очень свои жизненные подходы, отступить от которых он не хотел.

Когда закончилась война и через много лет, когда стали появляться фильмы, где пулеметной очередью звучала немецкая речь, а в фильмах о любви, где кто-то один из пары был немец или немка, никогда и нигде не воевавшие, заканчивались гибелью героев или их расставанием, папа только пожимал плечами и говорил, что ненависть не может длиться вечно. Самое странное из всего этого было то, что папа, несмотря ни на что, любил немецкий язык, говорил, что он очень музыкальный и певучий. Папа любил Германию, Австрию, Вену и Зальцбург. Они с оркестром много раз выступали там. На гастролях в Германии он много бродил по Берлину, любил Дрезденскую галерею. Однажды, приехав с гастролей по Финляндии, он с удивлением сказал мне: «Представляешь, на финском кладбище я видел русские могилы, и гид сказал, что финны за ними тоже ухаживают». Это было ему понятно и близко.

У папы был всегда «мир внутри него». Поэтому меня не удивило то, что случилось потом. Папа был на гастролях, кажется в Дрездене. Перед приездом их оркестра пресса много писала и о Мравинском, и о великой русской музыкальной школе. Даже печатали какие-то довоенные школьные снимки юных музыкантов. По этим снимкам папу, видимо, и узнал его немец. В какой-то вечер после концерта к папе за сцену пришел пожилой немец. Форма его очков показалась папе знакомой и как-то всколыхнула его память. «Это ты?» – спросил тот по-немецки. «А это ты?» – спросил папа. «Я тебя узнал по школьному снимку. И вообще, ты не изменился» – сказал немец. У папы с юности была удивительная внешность и очень красивые рано поседевшие волосы.

Слава богу, времена тогда уже изменились. Ведь раньше папу могли бы и расстрелять, если бы об этой встрече стало известно тогда же. Тот парнишка в очках из-за куста тоже стал музыкантом. В тот вечер они много говорили. Говорили о том, что успели сделать в жизни, которую они могли друг у друга отнять. Оба они честно провоевали от звонка до звонка, сделав максимум возможного для своей страны. Но внутри эти люди были абсолютно мирными и мечтали об абсолютно мирных делах.

В этой же поездке по Германии папа нырнул в бассейн в отеле и раненой ногой разбил фонарь под водой. У него из пятки вынули семь или восемь осколков стекла, ровно столько, сколько у папы в ноге сидело металлических осколков от военного немецкого снаряда. Вина конструкторов бассейна было совершенно очевидна, и папе в Германии предложили подать

на них в суд с требованием компенсации. «Господи, если бы вы только знали, как я хочу, чтобы был, наконец, мир в наших странах, – сказал папа. – Не буду я больше ни с кем воевать, а тем более в мирное время». Денежная компенсация могла быть большой, а им в то время платили копейки за концерты. Но это был бы не папа, если бы он ее потребовал. В этом он был весь: не помнил зла, легко прощал, был открыт для добра и больше всего на свете ценил человеческую жизнь.

Папа умер в 2010 году. Ему было 86 лет. Через пару лет у нас в квартире раздался телефонный звонок: звонил внук «папиного немца», сказал мне по-английски, что дед его умер, и что в оставленном им списке людей, которым он просил сообщить о своей смерти, было имя моего папы.

Людмила Михайловна Элконина

Морской конвой и механик Евграфов

Евграфов Виктор Михайлович (1893–1971)

...Мой дед, Виктор Михайлович Евграфов, умер, когда мне исполнилось восемь лет. Перед его гробом несли алую бархатную подушечку с наградами, которую бабушка сшила из какого-то своего наряда. Орден Ленина, орден Красного Знамени, орден Знак Почета и множество медалей, с ними мне тоже посчастливилось познакомиться при его жизни.

Дед никогда не рассказывал о войне, не вспоминал о подвигах.

Но я-то знаю, что он воевал! Это то небольшое, что мне удалось запомнить из его рассказов: историю про конницу Буденного, где ему посчастливилось бить белых, и про кобылу Мамзель. Я не мальчик, мне скучны описания баталий и даже то, что у дедушки была настоящая шашка, не трогает мою душу. Но его кобыла Мамзель прочно засела в памяти. Именно кобыла – не лошадь.

У машинного люка теплохода «Грознефть», дед – второй справа. 1927 г.

Великорусский оркестр теплохода «Грознефть». 1928 г.

На верхнем ярусе Пизанской башни. Италия. 1933 г.

Сам из рязанских, сын сапожника, дед после полной и окончательной победы большевиков, убрав шашку и попрощавшись с Мамзелью и Семеном Михайловичем Буденным, приехал в Нижний и поступил мотористом на пароход. Позже, в 1926 году, он окончил Ленинградский морской техникум. Каким бравым он был тогда! Какими бравыми были они все! Какое счастье, что у меня осталась папка с пожелтевшими фото, свидетелями того времени!

В 1936 году – последнее фото после долгого перерыва. Ни одного нет до 1948 года. Не до съемок было – война. Начавшаяся для многих в сорок первом, для моего деда она началась раньше. С Испании.

Виктор Михайлович Евграфов. 1937 г.

Ему в 1936 году было уже 43 года – не восторженный юноша. Все просто: возил повстанцам оружие. Когда он уходил в «испанский» рейс, беременная жена – моя бабушка, которой об этом было сказано перед самым отходом судна, – прощалась с ним, словно навсегда. Все знали, что в Испании неспокойно, и недоумевали – что забыли наши сухогрузы в стране диктатора Франко, охваченной огнем гражданской войны? Идти в Испанию было опасно.

Мой дед был в полном смысле слова Дедом, по-судовому выражаясь, то есть старшим механиком. Отвечал за работу судовых систем и механизмов. Дед на судне – второй человек после капитана, его бояться и уважают. По словам знакомых, моего Деда боялись многократно, настолько же и уважали. Дисциплина у него была железная, как на судне, так и на берегу. Это мы, домашние, имели возможность прочувствовать на себе. Даже я, дедова любимица, не смела ослушиваться и возражать.

Всю Великую Отечественную войну мой дед так и проработал по специальности. Его не пустили на фронт, у него была бронь. В последние дни перед началом блокады жену с двумя сыновьями отправил в эвакуацию и ушел в очередной рейс. Ходил в том числе и северными морскими конвоями.

«Морской конвой – формирование, состоящее из группы передвигающихся по единому маршруту военных кораблей для защиты от неприятеля транспортов, перевозящих стратегические грузы. Конвой сопровождает конвоируемые корабли, которые имеют недостаточную мощь вооружений для самозащиты или совсем не имеют вооружений (транспорты, танкеры, грузовые суда)» – сухо сказано в «Википедии».

Переход из Англии в Мурманск или Архангельск занимал около двух недель, две тысячи морских миль, но какой ценой давались эти мили? Самолетам Люфтваффе требовалось всего полчаса, чтобы подняться с аэродромов Норвегии и нанести удар с воздуха. А под водой не дремали немецкие подводные лодки. Тем не менее этот опасный путь был самым коротким, а во время войны фактор времени был важен для армии как никогда. «RQ» назывались конвои, идущие на восток, в Россию, и «QR» – те, что двигались в обратном направлении. Это был единственный театр военных действий, где бок о бок сражались с фашистами советские, английские и американские моряки. Сегодня, когда во многих странах пересмотрены и переписаны итоги Второй мировой войны, ценность и героизм северных конвоев не подвергается сомнению. Оставшиеся в живых английские и американские их участники у себя на родине до сих пор считаются героями.

Конвои шли в Советский Союз с тоннами ценных стратегических грузов, продовольствия, обмундирования. Каждый шестой истребитель, каждый пятый бомбардировщик для Красной армии, две трети всех грузовиков, локомотивы, железнодорожные вагоны – все это не могло бы появиться без грузов конвоев. Везли они и огромное количество заводского оборудования, деталей, медикаментов. В обратный путь конвои шли из Советского Союза груженные сырьем.

Моряки торгового флота просто делали свою работу, но часто платой за нее становилась жизнь. Погода в северных морях редко бывает хорошей даже летом, а конвои как раз летом и не шли – фактор белых ночей препятствовал обеспечению безопасности перехода. Суровые условия зимы и осени на море заставляли людей постоянно существовать на пределе возможностей. Тысячи моряков, военных и гражданских, нашли последний приют в холодных водах северных морей, ведь температура воды здесь не поднимается выше восьми градусов по Цельсию. При любых обстоятельствах, даже когда рядом тонули товарищи из экипажа разбомбленного сухогруза, невзирая на потери, конвой обязан был идти, не останавливаясь. В этом был залог успеха, только таким образом можно было дойти до порта.

Если первые конвои прошли в пункт назначения достаточно успешно, то последующим пришлось несладко; германское командование быстро сообразило, какое подспорье получает Красная армия морским путем. О трагической судьбе конвоя RQ-17 – самого фатального из всех конвоев – много написано и рассказано. Он был практически полностью разгромлен в июле 1942 года, из 34 судов 23 потоплены. Из состава судовых команд погибли одновременно 153 человека. В связи с возросшей угрозой, правительства США и Великобритании после этого приостановили отправку конвоев. Советскому командованию пришлось срочно увеличивать численность авиации, которая вела разведку, прикрывала конвои с воз-

духа, наносила удары по базам, аэродромам и силам флота противника в море. Советские подводные лодки разворачивались у вражеских баз и на вероятных путях перехода немецких крупных надводных кораблей. Только после этого конвой возобновили, причем в составе торговых судов увеличилось число советских сухогрузов. Всего в советские порты прибыл 41 конвой и ушло из них 36. Жертвами врага стали более ста военных кораблей и гражданских судов.

В 1943 году прошел последний северный морской конвой. Но до победы дед продолжал возить в Союз грузы по ленд-лизу, теперь уже из портов Америки во Владивосток. Я и сейчас при случае, когда нужно найти какое-то специфическое слово, пользуюсь дедовым англо-русским словарем, собственноручно им подписанным: «Куплено в Филадельфии, США, 1944 год».

После войны дед пришел домой только в конце 1945 года. Уже бабушка с сыновьями вернулась из эвакуации, а его всё не было. В Ленинграде 9 Мая 1945-го стояла чудесная погода, мой девятилетний папа смотрел, как празднуют и веселятся на набережной Невы люди, но его отца не было среди них. Дед, как опытный механик, в это время в Германии участвовал в демонтаже и приемке оборудования.

Об этом мало пишут и говорят, но, пользуясь правами победителя, мы вывезли из поверженной Германии множество станков и механизмов, вывели большое количество судов. В соответствии с решениями Потсдамской конференции между союзниками был произведен раздел военного и вспомогательного германского флота. В числе прочего в качестве компенсации за утраченные в войну советские суда наша страна получила, например, два парусника, до сегодняшнего дня составляющие гордость русского флота: четырехмачтовый барк «Падуя», переименованный русскими в «Крузенштерн», и барк «Коммодор Енсен», носящий теперь имя Георгия Седова.

Перевозя в Советский Союз немецкое оборудование, дед имел много возможностей вывезти что-то и для себя лично, но я не помню у нас дома каких-то особых трофейных богатств. Никаких тебе сервизов и патефонов, шелков и прочего. Только одни небольшие немецкие часы с боем, неустанно много лет гремевшие на всю квартиру каждые полчаса, приводя в исступление гостей, остававшихся у нас ночевать. Мы же привыкли и совсем их не замечали.

После войны дед еще долго ходил в море, а выйдя на пенсию, перешел на работу механиком-наставником в Балтийское морское пароходство.

На охоте. 1959 г.

...Я сейчас, став взрослой, сознаю, что у деда были две удивительные особенности. Проведя всю жизнь на флоте, он никогда не ругался матом. Во всяком случае, никто из домашних этого не слышал. Ему и не нужно было материться – достаточно просто строго взглянуть из-под очков. Поэтому у нас дома не принято ругаться. Сын рязанского сапожника, он привил нам всем любовь к книгам и собрал за свою жизнь отличную библиотеку. Может быть, я потому и научилась читать в четыре года, что он позволял мне это делать, сидя на кровати в его комнате. Главное было – сидеть тихо, поэтому приходилось читать.

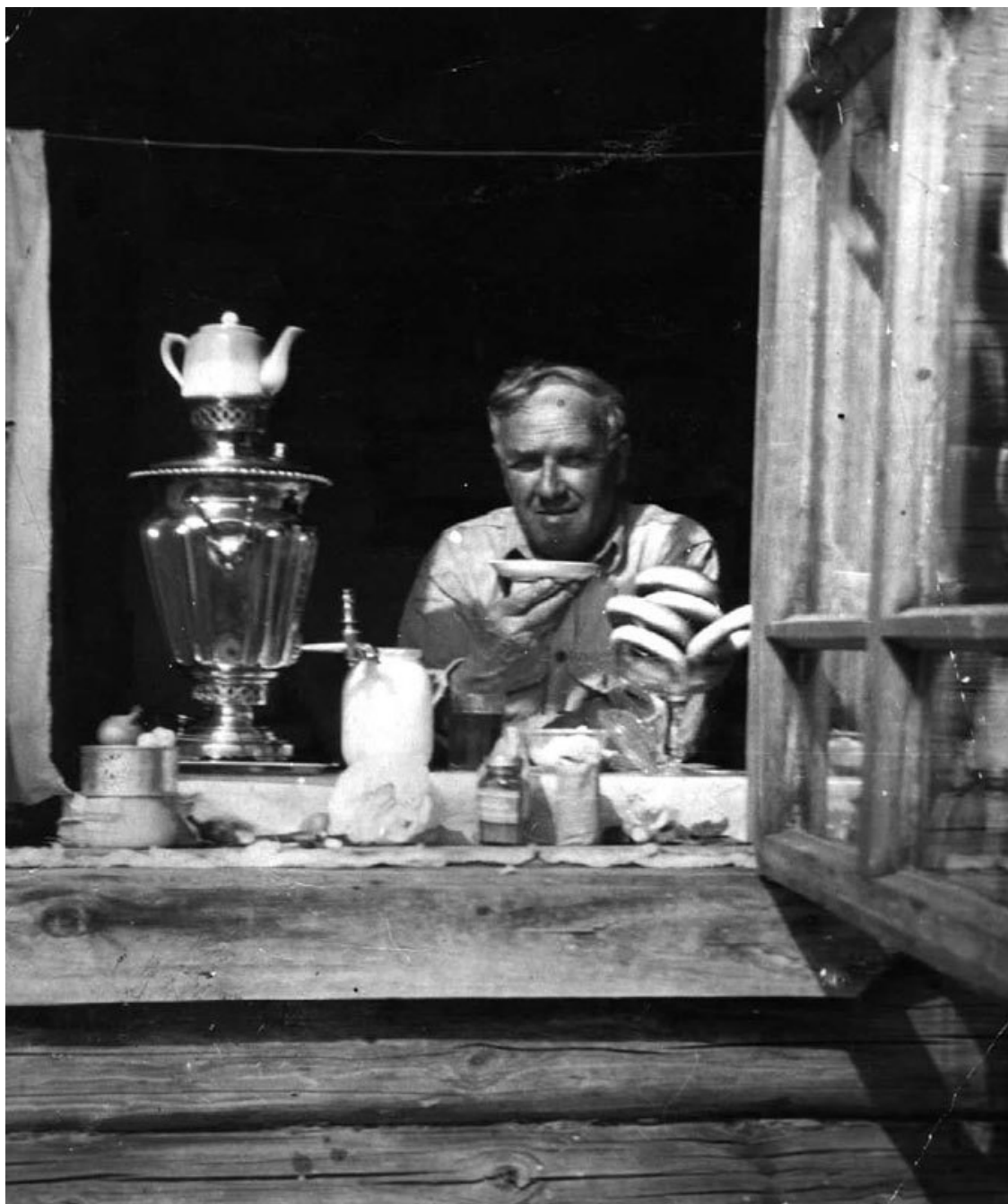
Еще более странно, что, пройдя такой героический путь, удостоившись чести обучать молодое поколение, мой дед не был коммунистом. Несколько раз его вызывали в партком парходства и настойчиво предлагали вступить в КПСС, объясняли важность и необходи-

мость этого поступка. Дед никогда не отказывался, он просил время подумать. Думал он долго, до тех пор, пока у встречной стороны не иссякало терпение и его напрямую не спрашивали о принятом решении, разумеется, положительном. Дед смотрел через круглые очки и решительно кратко отвечал: «Подумал. Недостойн». Он не был идейным противником коммунистов, просто жалел время на постоянные партийные собрания и пустые разговоры.

...Я хорошо помню разные его присказки. И скупой смех. И меховую жилетку, в полочку которой я упиралась, сидя на дедовых коленях. Отлично помню его меховую шапку, которую, даже обладая премией в области литературы, затрудняюсь описать: то ли ушанка без ушей, то ли кубанка-маломерок с меховым помпоном на кожаном верхе. Я помню лишь то, что трогало мою детскую душу и интересовало детский ум; например, подарит ли он мне, если хорошо попросить, зеленый треугольный пластиковый кошелечек с кнопочками? Кошелек из пластика он мне, кстати, подарил. Или – что скрывается за дверьми книжного шкафа, помимо старых пыльных книг? И не забудет ли он меня позвать, когда будет набивать патроны? Я же не знала тогда, что мой дед – герой. Мое внимание никто на этом не акцентировал. То есть я никогда в этом не сомневалась, но не осознавала полностью.

В машинном отделении теплохода «Волголес». 1960 г.

На даче. Ладожское озеро. 1960 г.

Я вспоминаю эти мелочи, потому что «Бессмертный полк» – не иконы, несомые на крестный ход. «Бессмертный полк» – еще недавно живые люди, со своими привычками, характерами, проблемами, взглядами. Они жили и любили, веселились и плакали, спорили и работали. Именно они построили многое из того, чем мы пользуемся до сих пор, не задумываясь об этом. И мы помним их не героями, бросающимися на амбразуры, – это все было без нас, в другой их жизни, – а такими, какими они были рядом с нами, в обыденной повседневности.

На дедовых похоронах к бабушке подошел кто-то из представителей пароходства и заговорщицки сообщил, что вскоре ее ожидает большой сюрприз. Бабушка довольно долго ждала и гадала, но даже не приблизилась к истине. «Холодно», – как сказали бы тогда мы, дети.

В 1976 году на верфях Финляндии было начато строительство десяти однотипных сухогрузов класса ролкер, передовых по тому времени судов-контейнеровозов. Все они получили имена в честь судовых механиков, отдавших много лет жизни российскому флоту. В ноябре 1977 года на воду был спущен «Механик Евграфов». До 1996 года он ходил под российским флагом, и наша семья много лет дружила с членами экипажа, мы даже подарили на судно часть дедовой библиотеки. А потом теплоход был продан и ходил под флагами других стран, с другими названиями. Может быть, и сейчас еще ходит, во всяком случае, последнее упоминание о нем, которое я нашла, датируется 2011 годом. Совсем недавно.

Как недавно были и те дни, когда мы сидели с дедом и пили кофе вприкуску с сахаром. И нам казалось, что впереди много времени, провести которое мы сможем вместе.

Юлия Евграфова

Ходил в разведку как на работу

Почти все мои друзья и однополчане из 9-й танковой Бобруйско-Берлинского Краснознаменного ордена Суворова II степени корпуса, в который входила и моя 8-я мотострелковая Бобруйская орденов Суворова и Кутузова бригада, ушли из жизни. Так что записную книжку перед праздниками можно не листать... Да и самому мне уже – 90 лет!

До войны жили мы с отцом и матерью в Ленинграде, на улице Дзержинского (сейчас она вновь называется Гороховой), в доме 39. Летом сорок первого меня, еще четырнадцатилетнего мальчишку, отправили погостить к бабушке в Калининскую область, в деревню Лютово, под Кашин. Началась война – и вернуться в Ленинград я не смог. Остался у бабушки. Работал в колхозе. А летом сорок второго поехал в Кашинский военкомат, просился, чтобы меня взяли на фронт.

Мне сказали: «Молодой, подрасти немножко!» Вновь приехал в военкомат в марте сорок третьего: подрос, говорю. Возраст свой объявил честно: шестнадцать лет. И взяли! Наверное, за честность.

Молодой Осокин

Попал в Московскую школу отличных стрелков снайперской подготовки. Научился метко стрелять. Получил даже благодарность от начальника школы за то, что метко поразил мишени на 500 метров. В сентябре сорок третьего года отправили на фронт.

Разгрузили на какой-то станции эшелон, построили. И при шли «покупатели». Перед строем появились капитан – орденов полная грудь и старшина, тоже с наградами, и начали в разведроту людей набирать. Я вышел из строя. Отобрали туда 30 человек. Предупредили, что это очень серьезно. А оставшихся, не спрашивая, стали отправлять в артиллерийские дивизионы и пехотные батальоны.

Виктор Григорьевич Осокин

В разведроту нас начали усиленно натаскивать. Командир роты капитан Потапов никому спуска не давал. А как иначе? Ошибка – не только твоя смерть, товарищ, но и, возможно, провал операции. Вот смотри: 9-й танковый корпус на каком-то участке фронта входит в прорыв. Какая-то танковая дивизия прорывает оборону противника, пехота прорывает, а мы уже вклиниваемся в прорыв – и уходим по тылам. Взяли «языка» – хорошо. Нет – пришли с какими-то другими сведениями. Тоже важными.

Видишь этот знак – «Отличный разведчик»? Его давали за два поиска. Надо было два раза в тыл к фашистам сходить. Ты спросишь, сколько раз я ходил? Не помню, не считал. Для нас это была обычная работа. Единственное, очень трудно было несколько часов подряд сидеть или лежать, наблюдая за противником. А так...

Награды отличного разведчика

Своими руками «языков» я не брал, хотя и был в группе захвата. Теперь я тебе объясню, как работала наша разведка, чтобы было понятно. А то в современных фильмах иной раз такую чушь показывают: несколько человек – в тыл врага, с пальбой, «языка» обратно притаскивают, параллельно чуть ли не батальон живой силы выбивают! Фантазеры!

Благодарность за Берлин

Сначала шла группа обеспечения – это саперы, которые резали проволочные заграждения, обезвреживали мины. И оставались. Следующей шла группа поддержки, а уже потом – группа захвата. Группа захвата непосредственно брала «языка». Для этого у нас два здоро-

венных мужика были. «Первым номером» – Уточкин, которого мы прозвали Человек-гора, до войны грузчиком во Владивостоке работал. Вроде небольшого роста, но силы невероятной. И выглядел как квадрат: что в длину, что в ширину – почти одинаково! Вот он и брал «языков», а мы с Иваном Горшковым были у него «на подхвате».

Что же касается шума... У нас стрельба не приветствовалась, и начальник разведки бригады майор Мазуренко говорил: «Если, ребята, без шухера придете – вот вам честь и хвала!» Так что, несмотря на то что я лучше других стрелял, снайперская подготовка на войне мне не пригодилась. Даже пленных, когда требовалось, не мы расстреливали. Штаб бригады охраняла рота автоматчиков, при ней был комендантский взвод. И его бойцы нам часто выражали недовольство, говорили: «Вот вы с чистыми руками, а нас расстреливать заставляют!»

Одна интересная разведоперация мне все-таки запомнилась. Было это в Польше. Приехали к нам трое представителей ГРУ. Им нужно было пройти в занятый немцами населенный пункт – не помню его название – и вывести в расположение советских войск из костела ксендза. Он был нашим резидентом. К этой операции готовились тщательно. Нам предстояло сопровождать разведчиков, так что трижды мы ходили «на ту сторону» разными путями – выбирали наиболее удобную дорожку. В итоге сопроводили товарищей из ГРУ туда-обратно, и убыли они с ксендзом восвояси. А мы вскоре вновь пошли в прорыв с бригадой.

Кстати, когда бригада шла в прорыв, то мы садились на бронетранспортеры. Так что я еще и бэтээром командовал, если тебе интересно.

Виктор Осокин перед демобилизацией

За что дали два ордена Красной Звезды младшему сержанту Осокину – не знаю. И никто из нас, разведчиков, не знал, за какие там подвиги награждали. Вроде все одинаково

работали. Наверное, за ценную информацию. А была она и вправду – не на вес золота, а на вес жизни! В разведроту процентов сорок личного состава погибло.

Я прошел с корпусом от Белоруссии до Берлина. В столице Германии шли тяжелые уличные бои. Наши танкисты во взятии Рейхстага участвовали!

Вот вкратце и вся моя военная история.

Виктор Григорьевич Осокин

Командир батареи

Мой папа, Афанасий Иванович Арефьев, родился в 1914 году в деревне Абрамовка Московской области. В 1935 году он поступил в кавалерийское военное училище в Москве. Его закрепили за конем по кличке Сиваш, на котором в годы Гражданской войны воевал С. М. Буденный. Маршал не забывал своего коня, навещал его каждую неделю и всегда приносил кусочек сахара. С отцом тоже беседовал, интересовался его жизнью. Вместе с курсантами отец участвовал в параде кавалерийских войск, принимал участие в самом первом физкультурном параде на Красной площади в 1936 году, снимался в массовках фильма о Первой конной армии Буденного, стоял в почетном карауле у гроба Максима Горького в Колонном зале Дома Союзов. Но вскоре училище расформировали и отца перевели в Пензенское артиллерийское училище, которое он окончил в 1939 году. Для продолжения учебы его направили в Московскую артиллерийскую академию.

В то памятное воскресенье 22 июня 1941 года папа вместе с другими курсантами готовился к экзамену по военной химии, вдруг в зал вбежал дежурный и объявил о срочном сборе личного состава в актовом зале. Через динамики они услышали выступление главы советского правительства В. М. Молотова о том, что фашистская Германия напала на нашу Родину. Тогда курсанты приняли решение – просить министра обороны направить их на фронт добровольцами. Курсанты первых трех курсов были сняты с учебы в академии и отправлены на фронт, в их числе был и мой отец.

В начале войны батарея, которой командовал Арефьев, уничтожала тяжелые танки фашистов под Москвой в районе Кубинки и Солнечногорска.

Несмотря на отчаянное сопротивление советских войск, противнику удалось прорвать оборону наших полков.

В Кубинке, расположенной в тридцати километрах от Москвы, полк, в котором сражался Арефьев, удерживал позиции более месяца, отражая атаки немецких танков и пехоты.

22 ноября 1941 года приказом командующего полком, в котором служил папа, по тревоге был поднят в Кубинке и с Можайского шоссе переброшен на Ленинградское шоссе, в район Солнечногорска, где противник имел перевес.

Марш в сто километров совершил их полк ночью через столицу. Москва была заснеженной. На перекрестках улиц стояли металлические «ежи», у каждой заставы каждого человека бдительно проверяли. К рассвету они заняли боевые порядки на окраине города, хорошо замаскировались, но углубиться в землю не успели.

Утром появилась немецкая разведка – мотоциклисты, а также легкие танки. На них было жалко тратить ценные снаряды. Бой предстоял жаркий! Потом пошли тяжелые танки и бронемашины, и по ним велся огонь в течение суток. Весь запас снарядов был израсходован. Дорога, по которой они могли быть подвезены, была перерезана противником. Много было убитых и раненых в этот кровопролитный день, но судьба хранила отца. Нашим пришлось, оставив эти позиции, перейти к поселку Черные Грязи, где остатки батарей А. И. Арефьева соединились со своими.

5 декабря русские войска перешли в наступление под Москвой и отбросили врага на 200 километров от столицы. С утра 7 декабря 1941 года после мощного удара авиации и артиллерии в наступлении под Москвой перешли войска 16-й армии под командованием К. К. Рокоссовского, в составе которых был и полк Арефьева. Так закончилась героическая битва за Москву – первое боевое испытание молодого 27-летнего командира батареи А. И. Арефьева.

За эти бои отец был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За оборону Москвы». В одной из частей рядом с батареей отца воевал и сын И. В. Сталина старший лей-

тенант Яков Джугашвили. В другом полку служил сын героя Гражданской войны В. И. Чапаева, который закончил войну в звании полковника.

*А. И. Арефьев.
Жил достойно, служил честно*

Как только враг был отброшен от Москвы, некоторые части были направлены в Крым, где в то время начиналась Керченская операция. Войска десантировались прямо в ледяные воды Керченского пролива и сразу шли в бой. Вместе с моряками Черноморского флота отец участвовал в освобождении Керчи и Феодосии от немецких захватчиков. В Крыму он получил ранение в голову, тяжелую контузию и был вывезен в армавирский госпиталь.

Три долгих месяца он был прикован к больничной койке, потерял слух, от отчаяния хотел застрелиться, чтобы не быть инвалидом, но потом устыдился такого порыва, другим ведь было еще хуже. Его признали негодным к службе, но не уволили из армии, а послали преподавателем в Сталинградское артиллерийское училище. Более тысячи офицеров-артиллеристов было подготовлено для фронта преподавателем тактики А. И. Арефьевым. Постепенно слух полностью восстановился, и он пишет рапорт – рвется на фронт. Конец войны и Победу он встретил в Чехословакии, в составе Четвертого Украинского фронта. Вскоре отец получил приказ явиться в Москву для участия в первом Параде Победы на Красной площади 24 июня 1945 года. И хотя война была закончена, но служба продолжалась. Он возвращается в Чехословакию, где участвует в становлении Чехословацкой армии в должности военного советника.

И снова командировка – теперь уже в Хабаровск, старшим преподавателем артиллерийского училища. В 1952 году началась война между Южной и Северной Кореей. Северной Корее помогал Китай, Южной – США. Отца направили в Китай вместе с другими преподавателями для обучения китайских военнослужащих. Каждый советский преподаватель обучал пятерых китайцев. За это Мао Цзедун лично наградил отца китайским орденом.

В 1955 году отца перевели в Горький, где он служил заместителем командира мотострелкового полка. В 1961 году он демобилизовался. Затем еще 30 лет работал в тресте Дзержинскмежрайгаз.

Полковник артиллерии А. И. Арефьев начал войну лейтенантом, командиром артиллерийской батареи. Папа всегда говорил, что пройдут годы и всегда, когда вы будете читать или слушать рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, знайте, что в победе русского оружия над немецким есть доля и полковника артиллерии Арефьева Афанасия Ивановича. Он никогда не забудет те бои, когда он – молодой комбат – уничтожал немецкие танки на подступах к Москве, на юге нашей страны.

Среди многочисленных наград, полученных им за успехи в ратном деле, наиболее ценными для него являлись награды за оборону Москвы. Среди его наград – орден Красного Знамени, а также два ордена Красной Звезды, орден Великой Отечественной войны I степени, орден «За боевые заслуги», большое количество медалей – всего 28 боевых наград.

Отец прожил большую и непростую жизнь. Страшные потрясения и испытания, выпавшие на долю нашей страны и нашего народа, пережил и он. Но несмотря на это он всегда считал себя счастливым человеком, потому что жил – достойно, служил – честно, любил – верно.

Татьяна Афанасьевна Арефьева

Предсказание

Мария Мироновна Головина родилась 5 октября 1923 года в селе Яблоковское Каргатского района Новосибирской области. Это родная сестра моей мамы, Мавры, моя тетя. Родные звали ее Маней, Марусей. Впервые я услышала о тете Мане, когда мне было лет 12–13.

Все фотографии в нашем доме, в основном рассыпью, хранились в верхнем выдвижном ящике комода, который стоял в спальне – в самой дальней комнате. Я частенько лазила туда одна «посмотреть фотографии». Рассматривала бессистемно, что попадало в руки, пока не надоедало. При очередном просмотре на глаза попала маленькая фотография 2 × 3 см без уголка, с которой смотрела девочка-подросток, и, как мне показалось, почти что я сама.

Побежала к маме, спрашиваю: кто это? Мама объяснила: «Это тетя Маня, твоя тетя, ее уже нет в живых – ушла добровольцем на фронт и погибла». Такое объяснение меня просто ошеломило: ну надо же, так похожа на меня и погибла. Мне стало страшно. С этого момента, как только я залезала в ящик, эта фотография попадалась обязательно. Не могу объяснить почему, но даже фотографии похорон, а их в ящике было немало, не пугали меня так, как эта. Я смотрела в зеркало, на фотографию и с ужасом видела одно и то же лицо. Пыталась маму по поводу этого сходства. В конце концов нервы не выдержали, и я, никому не сказав, порвала фотографию на мелкие кусочки. Хорошо, что мама не показала мне другие фото, на которых была тетя Маня...

Хотя на тех других мы совершенно не похожи друг на друга.

1941 год. Война. Любимого парня забрали на фронт. Долго не раздумывая, Маня решила пойти вслед за ним.

Решение, конечно, не обсуждалось с родителями, а их категорические возражения пропускались мимо ушей. Маня сагитировала подругу, и обе пошли записываться на фронт добровольцами. В военкомате девушки получили отказ – на тот момент им еще не исполнилось 18 лет. Но подруг это не остановило. «Они обивали пороги военкомата, – вспоминала тетя Нюра, – просились на фронт». Она (Анна) в это время работала в чулымском нарсуде, а в военкомате работал кто-то из знакомых. Со знакомым из военкомата договорились, что, как только подруги будут там появляться, их будут грубо гнать взащей. Гнали, но подруги приходили снова и снова. (Эти рассказы своей мамы помнят и Валя Моисеева (Курнаева), и Зина Курнаева). Чтобы добиться своего, Маня приписала себе лишний год. Это не помогло, но в документах приписка так и осталась, поэтому в записи о гибели Марии Головиной значится год рождения 1922, а не 1923, как на самом деле.

Родители безуспешно пытались отговорить дочь от задуманного. Мама рассказывала (а это все происходило на ее глазах), что Фекла просто убивалась от горя. Она плакала, умоляла, просила образумиться, пожалеть родителей. Она даже решилась пойти на крайность: раскрыть семейную тайну прошлого, сокрытие которой, по всей вероятности, нелегко далось ее отцу Миرونу. «Я пойду в военкомат и скажу, что ты – дочь кулака», – как-то в отчаянии пригрозила мать. Маня ответила: «Только попробуй, я тогда вообще уйду из дома».

Маня не воспринимала душевного состояния родителей, она, наоборот, была на эмоциональном подъеме, одержима своей целью как можно быстрее попасть на фронт и обязательно в ту часть, где воюет «дорогой друг».

Массированная агитация девушек и призывы идти добровольно на фронт громить врага и защищать свою Родину, не щадя жизни, прежде всего находили горячий отклик в сердцах именно таких неугомонных, рвущихся к подвигам натур. Но это только часть причины неумолимого рвения на фронт. А в первую очередь – любовь, какой, по мнению многих, не бывает на свете, настоящее взаимное чувство, а не легкомысленная выходка девочки, за которую она поплатилась своей жизнью, как это принято было считать в родне.

Как мы недавно выяснили, 5 октября 1941 г. Мане исполнилось 18 лет, а 28 февраля 1942 г. она приняла присягу. Еще до призыва Мария Головина закончила в Новосибирске снайперские курсы. Каким-то путем Маня осуществила задуманное, оказавшись в одном полку со своим любимым парнем.

Это был 10-й воздушно-десантный Гвардейский стрелковый полк 3-й Гвардейской стрелковой дивизии. Маня начала службу рядовым стрелком-снайпером, а «любимый парень» был у нее непосредственным командиром (какого уровня – неизвестно). Маня была бесстрашна, но в то же время внимательна, осмотрительна и сообразительна. Вдобавок к этому она хладнокровно и метко стреляла. Ее посылали на самые сложные и ответственные задания (и в паре, и в одиночку), с которыми она блестяще справлялась.

Про Марию Головину, как про доблестного бойца, отличившегося в боях, было две передачи по новосибирскому радио. Наверное, для поднятия духа на фронте и в тылу подобных передач в то время делалось немало, но прозвучать дважды – это чего-то стоит! Родственников оповещали заранее о времени эфира. Мама слышала эти передачи.

Свои 19 лет Маня встретила на фронте. А 20-й год в ее судьбе был отмечен на небесах каким-то особым знаком. Давно, когда она была совсем маленькой девочкой, произошел случай из разряда мистических. Мама рассказывала (эту фразу помню дословно), «тогда ходили по деревням и предсказывали судьбу». Света помнит из рассказов, что это была нищенка, которой маленькая Маня подала милостыню. Неважно кем, но судьба была «озвучена», что, как объясняют ясновидящие, увеличивает вероятность реализации плохого варианта: «у этой девочки самым трудным и тяжелым будет 20-й год жизни, если она его переживет, то дальше будет жить хорошо и долго».

Знала ли Маня об этом предсказании? Придавала ли этому значение? Зато родители помнили, верили и, конечно же, переживали.

Верующая и набожная Фекла постоянно молилась за жизнь дочери, а последний месяц ее 20-го года она, в нетерпении, чтобы быстрее прошло время, отсчитывала каждый день. Мама с такой печалью и трагизмом об этом рассказывала, что у меня до сих пор при воспоминаниях возникает сложившийся еще в детстве образ Феклы, отрывающей листки календаря. Хотя я только сейчас задумалась, а были ли в рассказе и в жизни в 1943 году отрывные календари?

Мама вспоминала нетерпеливые слова Феклы: «...вот уже три дня осталось...» (до дня рождения), «...вот уже день остался...», «...вот день рождения...», «...вот уже один день прошел...» (после дня рождения). Уже после дня рождения от Мани пришло письмо, даже, кажется, не одно. То ли на них не стояли даты, то ли на них не обратили внимания, но эти письма окончательно успокоили родителей. А еще через какое-то время пришло письмо, но уже не от Мани, а от ее друга и командира, в котором он извещал о ее гибели. Пророчеству суждено было сбыться самым ужасным образом. Оказывается, Мария Головина погибла 2 октября 1943 года – за три дня до своего 20-летия...

Про это несохранившееся письмо от командира я слышала не раз. Что оно было не просто сообщением о смерти, а большим и подробным, с описанием того, каким отличным бойцом была Мария, как она погибла, где похоронена. В письме было зарисовано место захоронения, указаны ориентиры, количество шагов.

Письмо пришло, вероятно, в самом конце декабря или в январе 1944 года, так как известно, что Манин отец Мирон умер 24 декабря 1943 года, так и не узнав о гибели дочери. Да, роковым годом и для Феклы оказался 1943-й. Не дай Бог таких переживаний.

«Дорогой друг» – Марусин командир – прошел всю войну и вернулся, судя по всему, не в Чулым. Из неоднократно слышанных рассказов запомнилось, что он откуда-то приезжал в Чулым специально, чтобы навестить Маниных родных и рассказать им о ее фронтовой жизни.

Он провел у родственников целый день и весь день рассказывал. Мне кажется, что сам факт приезда и его цель лишний раз говорят о серьезности отношений, порядочности и не проходящей горечи от случившегося. Приехать по прошествии двух лет с момента «безвозвратной потери» – значит, у человека оставалось либо чувство вины и долга (ведь ради него она оказалась на фронте), либо потребность еще раз говорить о любимой девушке.

Мария Головина. Не дожидая трех дней до двадцатилетия

Именно с его слов известно о бесстрашии Мани, ее способностях, сложных заданиях, которые ей поручали, об ее умении ничего не бояться и лезть на передний край и т. д. Жалко, что все это вместе с зарисовкой места захоронения куда-то кануло, и остались только общие слова, а из целого дня рассказов я слышала только рассказ о последних часах ее жизни.

Накануне очередного задания вечером Маня была необыкновенно возбуждена. Она без устали весь вечер плясала и пела под гармошку, что называется, не сходила с круга, как будто предчувствовала, что это ее последний в жизни выход. Потом вдруг остановилась, выругалась, произнесла: «Эх, батя, батенька, ты мой...» – назвала по имени отца и мать, расплакалась и ушла. Командир каялся, что в таком состоянии Маню нельзя было отпускать на задание, – а он отпустил, что по опыту войны давно уже была известна «примета»: если человек накануне ведет себя нестандартно, нервничает, беспокоится, не знает, куда себя деть, – это верный признак того, что завтра с задания или из боя он не вернется. Такое поведение объяснялось людьми, которые видели смерть на каждом шагу, «предчувствием смерти», и никого не удивляло. Это «что-то» явно присутствовало в поведении Мани в тот вечер, но не пустить ее или заменить, хоть это и было в его власти, командир не мог. Его тут же обвинили бы в особом отношении к любимой девушке. Последствия таких нежностей на войне были самыми жестокими.

Мария погибла на следующий день. Фразу «ее убил немец-кукушка» я слышала много раз. И пояснения: «кукушки» – это немецкие стрелки, которые сидели замаскированными на деревьях и подкарауливали русских солдат.

До недавнего времени никто не сомневался в правильности семейного предания: «Мария ушла на фронт добровольцем и погибла в 1943 году на Курской дуге...» Пока Света не открыла выложенную в Интернете Книгу Памяти призывавшихся из Новосибирской области и не увидела отсканированный бланк «Приложение № 44356 безвозвратных потерь сержантского и рядового состава 10 воздушно-десантного Гвардейского стрелкового полка 3-й Гвардейской стрелковой дивизии», сохранившийся в архивах. На этом бланке 8-й строкой сделана запись о гибели Головиной Марии Мироновны, до призыва проживавшей по адресу: Новосибирская обл., г. Чулым, ул. 1-я Урманская, дом № 5.

Светлана Николаевна Заика

Последний ветеран полка

26 ноября 2016 г. Григорию Васильевичу Юркину, активному участнику обороны Ленинграда, исполнилось сто лет

Снайпер первого разряда

Уроженец деревни Леонтьевской Вологодской области, Григорий еще подростком приехал в Ленинград и поступил в фабрично-заводское училище, окончив которое, стал слесарем-сборщиком на заводе имени Карла Маркса.

Григорий Васильевич Юркин. 1933 г.

На заводе Юркина приняли в комсомол и отправили в школу снайперов при Выборгском райсовете Осоавиахима. (Общество содействия авиации и химии, чьи кружки и школы были чрезвычайно популярны. – *Примеч. авт.*) Получив звание снайпера первого разряда, Григорий на заводе оборудовал тир и начал готовить «ворошиловских стрелков». В 1937-м его призвали на службу в полк МПВО, состоявший из инженерного и противохимического батальонов. Полк был предназначен для ликвидации последствий воздушных нападений противника.

Взвод Г. В. Юркина в полковой школе. 1938 г.

А в октябре 1940-го отличник РККА, старший сержант Григорий Юркин уволился в запас и покинул расположение полка, ставшего теперь 4-м Отдельным инженерно-противохимическим, к тому же – НКВД СССР. Домой возвращался с шиком – на собственном велосипеде (мечта всей молодежи тридцатых годов!). Это была награда за отличные успехи от комполка Ивана Антиповича Сидорова.

На родном заводе Юркина встретили как героя и сразу же назначили бригадиром слесарей в родном цехе.

Задание Ленфронта

Встречая новый 1941 год в компании дяди Саши Савинского, его сыновей и знакомых, Григорий познакомился с милой девушкой – Таней Вуколовой. Стали встречаться. Все шло к свадьбе, но... началась война.

Прослушав по радио выступление Молотова, Юркин отправился в свой полк и попросил письмо для военкомата с просьбой направить в родную часть... Вскоре перед строем

вновь сформированной 2-й противохимической роты комбат Матвеев представил солдатам их ротного старшину. Роту разместили вместе со штабом батальона на Международном проспекте (так тогда назывался Московский проспект), между Обводным каналом и Смоленской улицей. Сначала – в школе. Потом бойцы обустроили неподалеку землянки в два наката.

В декабре 1941-го на полк возложили страшную задачу: захоронение умерших от истощения ленинградцев. На Пискаревском кладбище саперная рота готовила траншеи, а рота Юркина укладывала в них трупы.

В течение трех месяцев ежедневно в шесть часов утра бойцов вывозили на машинах в район станции «Пискаревка». В промерзшей земле пиротехники загодя сверлили лунки, закладывали взрывчатку, взрывали почву. А с утра саперы, ломом и лопатами выламывая полуметровый слой земли, рыли длинные – до ста метров – траншеи. Солдаты противохимической роты укладывали в них трупы. Это был невероятно тяжелый труд – в сильный холод переносить замерзшие тела.

Десятилетия спустя в руки председателя совета ветеранов полка Г. В. Юркина попадет выписка из секретного отзыва управляющего трестом похоронного бюро Чайкина о работе 4-го инженерно-противохимического полка войск НКВД по выполнению задания Ленфронта. Оказывается, ими было вырыто вручную 70 траншей, каждая шириной 2,5 метра, глубиной 2,5 метра и длиной – 80-100 метров. Подорвано 4000 погонных метров мерзлого грунта. Уложены и зарыты 286 945 трупов. Привезено с помощью транспорта полка на кладбище 19 000 трупов. Кроме этого, бойцами было оборудовано на военном кладбище 260 могил...

Новогодний подарок

Тогда же ему было не до подсчетов. Из-за нехватки горючего в казармы на Международный проспект вечером возвращались пешком. Через весь город. В тридцатиградусный мороз! Многие по дороге умирали. А случалось, умирали прямо на Пискаревке, в траншее, с лопатой в руке. Так что Юркин знал: среди первых жертв, принятых кладбищем, – его однополчане.

По нормам тех дней солдатам полагалось по 300 граммов хлеба на человека в день. Но из-за нехватки продуктов давали по 150. Еще по 75 граммов сухарей давали на ужин.

...Вечером 31 декабря рота, как обычно, возвращалась с кладбища пешком. В батальоне бойцов ждал приятный сюрприз: на их землянку, в которой размещались десять человек, в честь наступающего 1942 года выдали целую банку шпрот. Открыли – получалось по рыбе на брата. Решили банку разыграть. Чтобы хоть один поел досыта. Сказано – сделано. Нарезали десять листочков, один пометили крестиком и сложили в шапку.

Шпроты выиграл пожилой солдат Павел Касаткин, работавший до войны на одном из ленинградских заводов. Чтобы не видеть, как он будет уничтожать такое огромное, по блокадным меркам, количество еды, Григорий лег на нары и зарылся лицом в подушку. Остальные проигравшие последовали его примеру.

А Касаткин, повозившись над столом, вдруг громко скомандовал:

– Кончай ночевать! Давайте все за стол.

Юркин повернул голову: на столе лежали десять кучек сухариков, и каждую украшала рыбка.

– А вы что решили? Один все слопаю? – обиделся рабочий. – Не желаю такого позора перед товарищами.

...Этот случай Юркин вспомнит 17 февраля, когда на Пискаревке будут хоронить умершего от дистрофии Павла Касаткина. А когда после этой страшной зимы в роте из 160 человек в живых останется лишь 45 бойцов, в нем сформируется и окрепнет единственное

желание: отомстить фашистам лично. За Касаткина, за Савинского. Возможно, и за Таню Вуколову, о которой он не имел никаких известий. За всех, кого приняла эта промерзшая земля.

Учебный сбор

...В мае 1942 года Военный совет Ленинградского фронта издал распоряжение об организации и обучении в частях и соединениях команд минометчиков, бронебойщиков, автоматчиков, истребителей, снайперов. В полку срочно организовали учебный сбор. Руководить подготовкой снайперов назначили старшего сержанта Юркина. А кого же еще? Он же выпускник снайперской школы!

Старшему сержанту выдали четыре винтовки без оптических прицелов. Но чтобы старшина роты да чего-то не нашел! Отыскались прицелы, только установить их без специального оборудования невозможно!

Юркин отправился на родной завод, где ему и помогли установить оптические прицелы на трехлинейки. Теперь осталось обучить бойцов.

Первый же выезд группы Юркина стоил противнику 60 солдат и офицеров. Приехавший проверить работу снайперов комполка Сидоров удивился такой результативности и хотел наградить старшего сержанта трофейным «вальтером». Однако выяснилось, что таких прав у полковника нет. Но Юркин не расстроился, он был вполне вознагражден приятной новостью: Таня Вуколова жива и служит в роте разведки и наблюдения 32-го батальона МПВО. С любимой все в порядке, фрицы свое получают. Да шут с ним, с этим «вальтером»!

Спал... на взрывчатке

В конце войны лейтенанта Юркина назначили начальником физподготовки полка. Жить Григория определили к офицерам в небольшой двухэтажный дом на Тележной улице, в комнату к пиротехнику Ивану Трофимову. Оба были рады, потому как подружились еще на «срочной», в 1939-м. Перенеся свой нехитрый скарб, Юркин присел на диван. Старые друзья разговорились о скором конце войны, о разминировании пригородов – непосредственной работе Трофимова.

– Теперь ты, Гриша, можешь всем говорить, что сидел на бочке с порохом, – улыбнулся пиротехник. – Под этим диванчиком, на котором, кстати, и спать будешь, уложены мины, гранаты, взрывчатка. В общем, все необходимое для занятий с моими подчиненными.

Юркин непроизвольно вскочил с дивана, но товарищ, положив руки на плечи, решительно усадил лейтенанта на место:

– Гриша, успокойся. Если все это рванет, ничего почувствовать не успеешь. От дома одни развалины останутся, а от нас – и клочков не соберут.

Спокойствие друга не сразу передалось Григорию Васильевичу, но со временем он привык спать на взрывчатке. Только через два года Юркину предоставили комнату. Тогда они с Татьяной Вуколовой и смогли пожениться. Судьба им отмерила почти шестьдесят лет счастливой совместной жизни.

Хранитель музея

Шли годы. Юркин окончил физкультурный техникум, школу тренеров при Институте физкультуры имени П. Ф. Лесгафта. А в 1959-м мастер спорта по пулевой стрельбе, помначштаба полка Г. В. Юркин уволился в запас и стал тренером по стрелковому спорту в

спортобществе «Динамо». Но связь с родной частью не прекращал, работал председателем совета ветеранов полка, избирался членом президиума Ленинградского облсовета общества «Динамо», возглавлял клуб мастеров спорта. И... увлекся фотографией. Даже в другие города со спортсменами выезжал. Его снимки печатались в газетах, книгах, экспонировались на выставках.

Григорий Васильевич Юркин

До весны 2014-го Юркин был ангелом-хранителем музея «Динамо». После развала Союза сам себя объявил «мобилизованным и призванным». В оставшемся за клубом небольшом кинозале и кладовке Григорий Васильевич собрал фото- и киноматериалы, призы, дипломы, кубки, медали и не только все сохранил – оборудовал музей спортивной славы

«Динамо», ежедневно приезжая на работу из своей небольшой двухкомнатной квартиры, расположенной в доме у Серебряного пруда.

Тут, в Лесном, началась его ленинградская биография. Тут она и продолжается. Сравнительно недалеко до Пискаревского кладбища, где вечным сном спят многие его боевые товарищи и куда капитан Юркин часто приходит, чтобы почтить их память. И справедливо, что осенью 2014 года, после окончания ремонта гранитной чаши Вечного огня, именно последний ветеран полка, один из первых снайперов Ленинградского фронта Юркин вновь торжественно зажег Вечный огонь.

...Когда-то на заводе мастер цеха подвел Юркина к верстаку и, показав на тиски, сказал, что на них работал слесарь Леонид Кмит, которого вся страна знает как исполнителя роли ординарца Петьки в знаменитом фильме «Чапаев». Так что – трудись, парень, может, и ты станешь знаменит.

Сам Юркин знаменитым не стал. Высоких чинов и званий не получил. Но сохранил память о многих достойных людях. А это – самый настоящий подвиг, пусть и гражданский. И мало кто на такой способен...

Виктор Кокосов

«Как я ходил в партизаны»

Родился 19 ноября 1929 года в деревне Александрово Дмитровского района Московской области. Отец – Герасим Сергеевич (1904 г. р.) до войны работал в артели (делали костяные изделия). Пропал без вести в 1942 году. Мать – Александра Ивановна (1900 г. р.) родилась в деревне Пруды, а замуж вышла в деревне Александрово. Всю жизнь проработала дояркой на ферме, вырастила четверых сыновей.

Когда война началась, мне еще и 12 лет не было, но я дружбу вел с комсомольцами – Виктором Бабарсковым, Иваном Хохловым и другими ребятами. Немцы в деревню пришли, и нам нельзя было дома оставаться – сразу расстрел. У немцев уже были списки актива деревни. Даже могилу у деревни Дубки заставили жителей выкопать, поэтому комсомольцы и решили уходить из деревни, и я с ними.

Когда вышли из дома, в это уже время двое немцев на лошадях въезжали в деревню. Они ехали вдоль огорода Бабарскова Николая Васильевича. Нас увидели, стали стрелять. Мы побежали к реке, а ноябрь 41-го был очень холодным, и река Яхрома уже замерзала, но лед еще тонким был. Нам по льду пришлось ползти. Переползли и через лес пошли в направлении деревни Говеново. Там наши были, мы им все рассказали. Они нас по очереди расспрашивали, а потом разрешили идти дальше. Ночью пришли в деревню. Насадкино, к тетке Ивана Хохлова. Там переночевали и утром ушли в сторону канала. Везде колючая проволока была, заграждения разные. Мы все перелезали. Дошли до канала, перебрались через него и пошли на Загорск. Кругом лес, самолеты. Ребята все постарше меня были, а я ногу натер, не мог идти, решил домой возвращаться. А ребятам нельзя – иначе расстрел. Они дальше пошли, а я – домой.

Михаил Герасимович Сморчков

Заплутал, вышел в Дмитрове. Там немцев не было. Встретился мне Иван Орешкин, предложил остаться, а я – нет, домой надо. На дороге везде немцы, пошел лесом, да опять заблудился, вышел уже в Барсучьи Норы, там партизаны стояли. Хорошо что среди них был Николай Сухов – узнал меня. Допросили меня очень строго, потом отпустили. Я к деревне

своей подошел, а войти боюсь – немцы кругом. На стане были лошади, вот я к ним и подкрался и стал вроде возле них заниматься. Я маленький был, немцы не заподозрили, так и прошел в деревню. Наша семья жила тогда в центре села, и весь фронт здесь проходил. Когда наши уходили – хотели деревню сжечь, но не успели, сожгли только три дома. И немцы, когда их гнать начали, тоже хотели все сжечь. Да мать Шуры Орешкиной в ноги упала, выть стала, они только сарай подожгли и ушли. А бои у нас сильные были. Шла кавалерия с пристани именно по нашей дороге. Это сибиряки были – в полушубках, красивые. Жертв много было. Деревню освободили, а я еще даже 6-й класс не закончил, но пришлось идти работать в артель сапожников. Нам давали 400 граммов хлеба в день. Сначала занимались ремонтом сапог, потом и шить научились... Долго там работал, в конце войны перешел на ферму...

Михаил Герасимович Сморчков

Вещий сон

Моя прабабушка, Бочкарёва Анна Фёдоровна, которой уже 87 лет, часто вспоминает своего родного брата – Карелова Антона Фёдоровича.

Он родился в 1922 году в селе Секретарка Сердобского района Пензенской области. В их семье было пятеро детей. Антон – второй ребенок. Когда началась Великая Отечественная война, ему было 19 лет. На фронт Антон попал в 1942 году. Прошел практически весь путь до Берлина.

Антон Фёдорович Карелов

Однажды бабушке приснился странный сон. Она видела большой вырубленный лес, а посередине стояло одно нетронутое дерево. Через несколько дней их семья получила письмо от Антона.

«Здравствуйте, мои дорогие! Вам пишет ваш сын и брат Антон. Наша рота, продвигаясь к линии фронта, оказалась на берегу Днепра. Поступила команда переправиться через

реку. А ведь уже ноябрь! Холодно. Но обратного пути нет. И вот, когда мы оказались в воде, началась бомбежка. Я не знаю, как и куда плыл, но мимо меня проплывали только шапки моих однополчан, а вода оказалась ало-красного цвета. Когда я добрался до другого берега, то понял, что из всех 120 человек живым остался один я. Еще 3 дня, мокрый и голодный, я пробирался через лес к своим...»

А 8 мая 1945 года семья Кареловых получила похоронку, в которой говорилось, что их сын и брат Карелов Антон Фёдорович пал смертью храбрых и похоронен в Берлине.

Папа рассказывал, что теперь бабушка мечтает попасть в Германию и найти там могилу брата – Карелова Антона Фёдоровича.

Анохина Евгения – учащаяся 5 класса (Многопрофильная гимназия № 4 «Ступени», г. Пенза)

Рана наяву и выстрел во сне

Я, Исаченкова Алла Васильевна, родилась в городе Смоленске в 1938 году. Считаю своим долгом рассказать о моих родителях, которые внесли свой ценный вклад в общую Победу.

Мой отец – Тулин Василий Савельевич, 1912 г. р., кадровый военный, старший лейтенант, в 1941 году закончил в Киеве Академию связи и был направлен в город Брест.

Мама – Костюченко Мария Андреевна, 1915 г. р., работала операционной сестрой в военном госпитале в Смоленске, где мы жили с мамой, бабушкой и тетей (маминой старшей сестрой, 1912 г. р.).

Василий Савельевич Тулин

Мои воспоминания об отце единичные, как вспышки, – подбрасывал высоко вверх и много смеялся, – помню, как много у него было зубов, и мне хотелось такие же, помню, как катал меня на велосипеде и крепко сжимал, чтобы я не упала, и тоже смеялся. Он играл на баяне, аккордеоне, гитаре, домбре и хорошо пел. И вот, такой молодой, веселый, образован-

ный, счастливый, красивый, крепко любивший нас всех, в 1941 году, в мае, отбыл для прохождения службы в Брестскую крепость в качестве связиста и сгинул.

А еще в апреле – мае после окончания Академии он проводил отпуск в Смоленске и сказал маме, что будет война и нам пока не стоит ехать по месту его назначения, а лучше незамедлительно отправиться в Брянск к его родителям. Мой дедушка, его отец, работал лесничим в Брянских лесах, и там у него было большое хозяйство и пасека.

Но мама решила остаться в Смоленске, как-то никто не верил в войну, а отец должен был позднее сообщить, как он устроился и что нам делать. Ее решение спасло нам жизнь.

Когда немцы заняли Брянщину, дедушку и бабушку расстреляли за связь с партизанами, а все постройки сожгли. Такая же участь постигла бы и нас, отправься мы на Брянщину.

Папино предсказание сбылось – 22 июня началась война.

Смоленск немцы бомбили уже на первой неделе. Весь медперсонал маминого военного госпиталя был сразу же, в первые дни, мобилизован и вошел в состав эвакогоспиталя Первого Белорусского фронта под командованием Г. К. Жукова, с которым госпиталь и дошел до Берлина. И моя мама в 1945 году, после Победы, расписалась на стене Рейхстага.

Но это будет позже, а пока была война. Маму не отпустили домой даже переодеться, взять какие-то вещи, проститься с нами. Началась ее военная эпопея – Рудня, Витебск, Брест, Литовск, Польша, Германия.

Эвакогоспиталь первой линии – это медицинское учреждение, которое следует за линией фронта, медицинские санитары оказывают помощь непосредственно на линии боя, переправляют раненых в медсанбат, а дальше – эвакуация раненых идет в эвакогоспиталь первой линии, а дальше – в тыловые вторые и третьи линии.

В эвакогоспитале раненым оказывают первую квалифицированную помощь и готовят к отправке в тыл. Мамин эвакогоспиталь был рассчитан на 500 больных, а иногда из зоны крупных сражений поступало до 1500 раненых. Раненые поступали с большой кровопотерей, и весь персонал постоянно сдавал свою кровь.

У мамы была востребованная 1-я группа – и иногда у нее брали кровь прямо в операционной, брали сколько можно было взять, чтобы она продолжала работать, лишь иногда давали сутки на восстановление.

Раненых иногда поступало так много, что до того, как попасть в операционную, они лежали на носилках в поле около палаток и корпусов, и, чтобы их просто напоить, подключались и легкораненые.

В операционной работали посменно сутками, на сон 2–3 часа, и опять бригада хирургов и медперсонала вставала к операционным столам.

На крышах корпусов и на палатах госпиталя в первые дни войны рисовали медицинские кресты, так как эти здания по международной конвенции нельзя было бомбить, но скоро убедились, что немецкие самолеты целенаправленно бомбили по этим ориентирам.

Мама вспоминала, что особенно трудно было в Польше. Госпиталь разместился в городе Лодзь. Население не скрывало своей неприязни, агрессии к русским. Иногда легкораненые уходили в город на прогулку, экскурсию и пропадали навсегда. Наконец приказом было запрещено ходить по одному – только группой по 3–5 человек.

Мама (сидит) с раненым

По рассказам мамы, даже на территории Германии было проще и легче общаться с местным населением.

У мамы есть орден, медаль, а одна медаль – за поимку шпиона. Дело было так. Прибыли машины с тяжелоранеными в гипсе. Их снимали с машины санитары, сразу укладывали на носилки и несли в палатки, корпус, была большая суeta. И вдруг мама, которая помогала сортировать раненых и распределять их, заметила, что один раненый с загипсованными ногами приноровился и прыгнул сбоку у борта машины на землю. Встал на обе ноги, а потом на костылях запрыгал в корпус. Мама проследила, где его разместили, и сообщила в охранный отдел, чтобы за ним проследили. Не мог раненый с перебитыми загипсованными ногами прыгнуть на землю из машины.

В ту же ночь, хоть и на костылях, он зашел в лесок, за палатку и стал давать сигналы световым фонариком, и ему пошли ответные вспышки из лесного массива недалеко от госпиталя. Группа захвата, охранявшая территорию госпиталя, после окончания его связи захватила шпиона, а в лесу выловили диверсантов, целью которых было уничтожение раненых, персонала и поджог корпуса. И маму представили к награде.

Мама (справа) с подругой

Моя любимая мама – ей было всего 26 лет и у нее на сердце тяжким гнетом лежала постоянная страшная тревога, что произошло с нами в Смоленске, стертом с лица земли бомбардировками (об этом рассказывали раненые), те же страхи за отца – Брестскую крепость немцы взяли в осаду в первые дни, а на нем была связь.

А вот что было с нами – со мной, бабушкой и тетей в первые дни войны. Город Смоленск немецкая авиация превратила в руины. Все население кинулось в ближайшие деревни. Во время бегства из города беженцев на бреющем полете обстреливали немецкие самолеты. Меня ранило осколком в лицо – рваная рана щеки, нижней челюсти, подбородка. Бабушка со мной на руках вернулась в горящий город, где на окраине немцы уже развернули свои медсанбаты. Немецкие хирурги взяли меня на операционный стол, наложили швы – семь швов на щеку, вправили челюсть, дали какие-то перевязочные материалы и вывезли из зоны обстрела. Так это было. А дальше мы опять влились в поток беженцев, к кому-то пристроились на телегу, но ни в одной деревне не брали на постой с постоянно плачущим ребенком, тем более что все дома уже были заполнены беженцами. Наконец, в одной деревне нас поселили в баньке и, чем могли, поделились: и едой, и молочка мне удалось в рот влить. В этой деревне нас нашла тетя, мамина сестра. Спасибо тем людям, что помогли, спасли нас, раздетых, со мной (раненым ребенком) на руках. Потом были и другие деревни, но всюду как-то чем могли – помогали.

А немцы занимали все новые и новые деревни. В памяти осталось, как они выезжали на мотоциклах, потом бортовые машины с солдатами, иногда танки, они смесили все огороды, весь урожай.

Я хорошо помню немцев – высокие, рукава засучены, рубашки черные, короткие автоматы под мышкой. Заходя на подворье, расстреливали кур, собирали их, трепещущих, полуживых, мы все стояли молча – протестовать, плакать было нельзя. Иногда они стеком за подбородок поднимали лицо, заглядывали, как-то выявляя евреев. Однажды один такой немец поднял мое лицо, все изуродованное, и оставил нам курицу, не забрал. Но на всю жизнь у

меня в мозгу засели какие-то команды на чужом, очень страшном гортанном языке. И до сих пор, если я в метро слышу настоящую немецкую речь туристов, у меня начинается сердцебиение, выступает пот, и я быстрее всех стараюсь выбраться из этого вагона.

Немцы, вступившие на территорию Смоленщины и Белоруссии, были очень жестокими – отборные команды СС, они назывались «зондеркоманды». Слышался постоянный лай собак.

Эсэсовцы делали облавы в лесах, задерживали отставших от своих частей наших солдат, позднее те организовывали партизанские отряды, и, если удавалось поймать кого-то из партизан, немцы устраивали показательное повешение. В центре села строили виселицы. Полураздетых молодых ребят, босых, по снегу вели на казнь. Всех в деревне, в том числе и детей, сгоняли смотреть на смерть партизан. Трупы долго не снимали – до следующих казней.

Нам, детям, снились страшные сны, снилось, как они дергались в петле, и мы плакали, кричали ночами.

Еще в памяти сохранилось, как мы ходили с холщовыми сумками, которые держались на лямках за шей, просили милостыню в домах соседних, не занятых немцами деревень.

В 1942 году мне было 4,5 года – таким маленьким больше подавали: картошку печеную, лепешку, а иногда – яичко. Мне же часто, как подранку, подавали больше других. Старшие дети иногда несли меня на закорках и никогда не отбирали у меня подачки. А дома все ждали, что я принесу, – и хозяйка и ее дети, всем делили поровну, а мне бабушка говорила, что я уже добытчица. Но иногда на нас нападали собаки, сбивали с ног и лаiali, оскалив зубы, капая слюной прямо в лицо, – нас, детей, они не кусали, но от ужаса один мальчик остался заикой.

Тетя работала на торфоразработках, получала какой-то паек. Но внезапно всю их семью угнали в Германию. Тете удалось бежать где-то, не доезжая территории Польши. Она добралась до нас уже после освобождения Смоленска.

Удивительно, что, проживая в оккупации в таких условиях, никто ничем серьезным не болел. Бывала простуда – кашель, болело горло, иногда понос. Лечили отваром трав, горло смазывали керосином, от поноса давали крахмал и угли, которые сбивали с обгоревших головешек в костре.

И все-таки одно из страшных воспоминаний о болезни осталось. Это был сыпной тиф. В 1942 году мы с бабушкой заболели тифом одновременно. Всех заболевших в деревне, у кого была температура, бред, немцы приказали свозить в дом на окраине. Там жители настлали солому и поставили бочки с водой. Немцы поставили охрану, чтобы родные не ходили ухаживать за больными, – боялись заразы. Водой лежачих больных поили тоже больные – те, кто был еще на ногах. Через какое-то время бабушка пришла в сознание. Разыскала среди больных меня, еле живую, вытащила из этого барака, и каким-то чудом мы доползли до своего дома. Восстановиться всем выжившим, и нам в том числе, помогали все жители, чем могли. Только поначалу мы жили в банях. Спасибо им всем, что делились последним и выхаживали!

В послевоенные годы, когда мы уже жили в бараке в Смоленске в комнате 14 кв. метров, к нам приезжали взрослые и дети из деревень, где мы жили в оккупации, и если поступали в техникумы или на какие-то курсы, то оставались жить у нас, в страшной тесноте – спали между ножек стола. Но жили дружно, мы испытывали к ним бесконечную благодарность за то, что помогли пережить нам военное лихолетье. Мы ведь тогда свалились им на голову разутые, раздетые, насмерть перепуганные обрушившейся на нас нашей общей бедой – войной.

В сентябре 1943 года шли жестокие бои за освобождение Смоленщины. Освободили и нас. Наша деревня была на пути к крупному железнодорожному узлу, поэтому бои шли на ее территории. Во время боев все прятались под берегом Днепра, в вырытых неглубо-

ких пещерах. Снаряды при артобстреле, разрываясь, падали в воду, и нас просто заливала вода в наших укрытиях. Дети плакали, кричали. Там нас и нашли наши солдаты, занявшие деревню, а бой покати́лся дальше к Смоленску – наши преследовали отступающих немцев.

Эти солдаты в нашей деревне были из группы похоронной команды после боя (может, есть какое-то другое название – не знаю), вот они временно расквартировались в деревне. Они помогли потушить дома, которые горели, и как-то своим присутствием вдохнули в нас жизнь. В могиле на краю деревни начались захоронения павших в бою. Солдаты отдавали нам портянки, плащ-палатки, иногда гимнастёрки, сапоги, говорили – это осталось невоз-
требуемым. В основном брали все беженцы, у них не было ничего. И для нас, ожидавших зимы, разутых и раздетых, это было невероятной помощью, просто спасением.

Когда мы уже жили в подвалах города, эти плащ-палатки спасали нас, ими завешивали дверные проемы, ведь дверей не было. А тогда солдат-освободителей смогли уже накормить картошкой, которую выкопали. А у них была соль – невиданная роскошь, этого лакомства не было всю войну. Этот отряд прожил в деревне несколько дней. Круглые сутки топились бани, отстирывали их завшивленную одежду, они отмывались, подлечивались. Так начиналось освобождение Смоленщины и Смоленска. Детям строго запрещалось ходить в лес, так как там было много разбросанных гранат, мин, неразорвавшихся снарядов. Но ходили. И были случаи, когда мальчишки, лазая по блиндажам, в лесу подрывались на минах.

Освободили Смоленск 25 сентября 1943 года. Вновь образованными сельсовета́ми беженцам было рекомендовано возвращаться в город, то есть в никуда, так как город был разрушен почти полностью, а восстановительных работ не производилось – шла война. Но к возвращению беженцев готовили места для проживания: разрушенные дома разбирали, освобождали подвалы, где раньше хранились овощи, это были отсеки 1,5 м на 2,5 м с цементными полами, без окон – в них селились беженцы. Полы досками настилали сами, доставали в разрушенных домах половые доски, из них же делали топчаны, скамейки. Мужчин не было, их заменяли подростки 14–15 лет, дверные проемы зашивали плащ-палатками. Был 1943 год, еще шла война, не было ни пособий, ни магазинов, ни школ. Опять кормились перекопкой полей и луговыми травами.

Когда мы стали жить в подвалах и пошел запах пищи, пришли крысы, такие большие, что их даже кошки боялись. Ночью крысы лезли в тепло, в наши тряпки на топчанах, и ноги нам на ночь укутывали солдатскими портянками. Так мы и сосуществовали с ними, с этими зверьками, но рано утром они уходили, дверей ведь не было, а проёмы закрывали солдатскими плащ-палатками. А еще в подвалах была страшная напасть – днем кусались блохи, а ночью со стен, с потолка падали мокрицы – маленькие ворсистые сороконожки, они могли заползти в ушко – бабушка вынимала булавкой, но все равно ушко болело, не спасали и платки, которые надевали нам на головы, – очень уж эти мокрицы были пронырливые.

В наших подвалах жило до 50 семей, было много детей, но уже не летали немецкие самолеты, не бомбили, и стал потихоньку отпускать страх. А жили дружно, делились всем и помогали.

У нас не было адреса и не доходили похоронки, и все надеялись, что наши на войне живы. В 1945 году всех окрылила Победа.

А война покати́лась дальше на запад, и вот уже битва за Берлин. Жесточайшие бои. Мама рассказывала, что количество раненых в госпиталях утраивалось. Пока шли эти непре-
станные бои, раненые – полные калеки, без ног, без рук, слепые, как-то уже смирились со своими увечьями – все-таки остались живы, и уже строили какие-то планы, знали – матери любых их примут, общая ведь беда, советовались с медперсоналом. С легкоранеными сдру-
жились, те ведь им помогали всегда, а помощь нужна была почти постоянная.

Но все изменилось в День Победы. В палатах безнадежно увечные начали крушить все. За что? Они не хотели жить, пытались бить окна – кто чем, резали себя стеклом, срывали

бинты, начиналось кровотечение, пошли стеной, поползли на костылях в палаты лежащих, но не увечных. Это была какая-то общая истерика. Замполит госпиталя приказал стрелять вверх, чтобы как-то всех образумить. Мама рассказывала, что продолжалось это несколько часов. Ни убеждения, ни уговоры, ничего не действовало – увечные забаррикадировались в палатах. Ведь закончилась война, впереди – мирная жизнь, а какая у них жизнь? Бойцы охраны открыли палаты, началось оказание срочной помощи. Палаты и посты были просто разгромлены. Никто не погиб, но долго успокаивались, и ужас всего происходящего потряс всех. Вот что наделала подлая война! Эти покалеченные совсем еще молодые люди совершенно не были приспособлены к выживанию за стенами госпиталя, без постоянной помощи. Их пугало и то, что они будут только в тягость своим семьям и никогда не станут добытчиками. А бои еще продолжались, уже в самом Берлине, и солдаты погибали уже после Победы, и продолжали поступать тяжело, безнадежно раненные и увечные. Вот такие события происходили в эвакогоспитале Первого эшелона, как рассказывала моя мама, старшая операционная сестра. Происходило это в дни счастья всей нашей страны, в дни Победы и радости со слезами на глазах. Потом уже сотрудникам госпиталя разрешили расписаться на Рейхстаге, была там и мамина роспись. В 1946 году демобилизовалась мама, долго искала нас по деревням, потом узнала про подвалы и нашла нас, а здесь уже скоро построили бараки, и всем дали комнаты. Мама переживала за мое изувеченное лицо, но шрамы понемногу разглаживались и перестали быть синими. Ну а здоровье у нас, переживших оккупацию, оставляло желать лучшего – разрывы бомб, контузии. Страхи перед непонятной речью, ночной лай собак, повешение на глазах, постоянный голод. А тут еще мое лицо, которые все разглядывают, спрашивают – что да как, ужасы ночных кошмаров.

Частый мой сон – немец догоняет меня, уже рядом, за спиной, может выстрелить, а мои ноги не бегут. И однажды во сне мне все-таки выстрелили в спину, в лопатку – мистика, но это место долго болело, и мне его долго лечили.

А потом была школа. Учителям было запрещено кричать на нас – почти все в классе были после оккупации. Я хорошо училась, но однажды стояла у доски – какая-то задача никак не решалась, и математик (был чудесный учитель, но вышел из себя) стукнул стулом об пол и что-то резкое прокричал, и я описалась у доски, потом сразу ушла домой, но в классе меня не дразнили, и с учителем отношения не испортились.

Всю свою последующую жизнь я, заполняя анкеты в пионерлагерь, поступая в мединститут, в автобиографии писала, что с 1941 по 1943 год была в оккупации, и это было клеймом, хотя моя мама прошла войну и отец погиб.

А те, кто прожил войну в тылу, может быть и в таких же лишениях, но этого бремени не несли. В институте при поступлении надо было набрать баллов с запасом, это был 1955 год. Я поступила в мединститут, закончила его и 37 лет отработала врачом с милосердием и добром к больным.

С мужем мы прожили в браке 54 года, с 26 октября 1962 года, мужу сейчас 88 лет.

Алла Васильевна и Константин Павлович Исаченковы

Мама мне говорила: «Брак держится столько, сколько хватает терпения у женщины». В нашей жизни, когда мама была жива, как и многие вдовы ее возраста, мужей которых унесла война, так вот, она учила меня: лучший кусок отдавать мужу, беречь его сон, покой, быть благодарной, что он есть, радоваться этому, благодарить судьбу.

Ну вот, наверное, я и живу по ее заповедям: все муки и радости у нас с мужем общие, и мы очень боимся остаться друг без друга. Мы не одиноки. У нас есть доченька и двое замечательных внуков – 26-летний Юра и 14-летняя Лаура. Муж у доченьки – добрый, хороший человек, наша защита и опора.

О моей теперешней жизни в мои 78 лет: мой муж, Константин Павлович Исаченков, тоже прожил и выжил в оккупации на Смоленщине. В 2000 году заболел лимфопейкозом, мне пришлось бросить работу офтальмолога, врачам удалось его вылечить, а мне – выходить. Сейчас он в стойкой ремиссии, но в результате ломкости костей после падения в 2015

году – перелом шейки бедра левой ноги, но после установки эндопротеза он на костылях и ходит самостоятельно.

Он был в оккупации десятилетним подростком, и теперь уже он единственный свидетель расстрела на Кукиной горе в Каспле под Смоленском. Расстреляли тогда 157 человек – коммунистов, евреев и простых жителей. Сейчас на месте их захоронения установлен памятник с их именами. Дети, школьники ухаживают за братской могилой. Муж был не только свидетелем расстрела, но и участвовал в спасении ребенка. Когда приговорённых вели на расстрел мимо дома, где Костя жил с мамой, в их огород мать успела бросить младенца. Семья мужа спасла этого младенца и передала его в еврейские семьи в Рудню. А ведь их могли за это расстрелять. В семье мужа было шестеро своих детей. Он подробно описал это в своей книге «Война глазами подростка».

Наверное, страшное военное детство закалило меня, научило выживать и бороться за своих дорогих людей, друзей. Видимо, выработался иммунитет на выживание. Но иногда щемит сердце от того, что не получилось полноценного детства с милым отцом. Его залихватистым смехом, игрой на аккордеоне. Он был красавец ростом 180 см. Что в вечной печали прожила жизнь мама, бывшая в той, довоенной жизни плясуньей и певуньей. Я и сейчас бережно храню ее туфельки, в которых она танцевала чечетку. И опять задаю себе вопрос «за что?» все это с нами произошло. И вот теперь портрет отца, старшего лейтенанта, кадрового офицера, погибшего в первые дни войны, я несу в нескончаемом людском потоке, и потом снятся эти молодые, глядевшие на всех с портретов, и, наверное, своими несостоявшимися радостями жизни предостерегающие нас от беды. Хотя сами уже никогда не смогут обнять своих внуков и правнуков, порадоваться их успехам и тому счастью, что над ними мирное небо.

Алла Васильевна Исаченкова

Разведка боем

Мой дедушка, Абрамов Евгений Михайлович, родился 1 ноября 1920 года в деревне Марково Озёрского района Московской области. До войны работал на ткацкой фабрике в городе Озёры помощником мастера.

В 1940 году был призван в армию, проходил службу на полуострове Ханко, где и встретил начало войны.

Вернувшись с войны, практически ничего не рассказывал о своей службе. В ноябре 1941 года газета «Правда» написала о героической обороне полуострова Ханко, где говорилось о том, как «горстка храбрецов, патриотов земли советской, презирая смерть во имя победы, являла пример невиданной отваги и героизма». На что Евгений Михайлович ответил: «Никаких я героических подвигов не совершал. Мне просто неудобно, что вы меня выделяете. От товарищей неудобно...»

После войны продолжил работать на ткацкой фабрике. Всю жизнь прожил в г. Озёры. Евгений Михайлович умер 13 августа 1995 г.

О нем сохранились две заметки в газетах (они на фото). Также дедушка написал фрагмент своих воспоминаний, которые сохранились в виде тетрадных записей. Вот что он писал:

После Ханко – Кронштадт

В начале декабря 1941 г., оставив полуостров Ханко, пришли в Кронштадт. Как я после понял – в этом была большая необходимость.

Веселый, чистый довоенный городок был на себя не похож. Шла первая блокадная зима, не работали водопровод, канализация, отопление, не было света. От частых бомбежек и обстрелов вылетели стекла в окнах домов, повсюду властвовал голод.

Остров Котлин, на котором стоит Кронштадт, расположен в 30 км на запад от Ленинграда: 7 км до южного берега, 20 км до северного берега. Окружен насыпными фортами с находящимися на них батареями разных калибров, что создавало его неприступность.

Южнее Кронштадта на берегу находился город Ораниенбаум. Его противник не мог взять из-за сильного огня кронштадтских батарей, но врагу все-таки удалось выйти к морю на участке протяженностью 15–20 км между Ленинградом и Ораниенбаумом. Немцы заняли прибрежные города: Урицк, Стрельну, Петергоф.

Севернее Кронштадта берег захватывали финны. Море покрылось льдом, по которому могли пройти даже легкие танки. Кронштадт оказался под угрозой быть отрезанным от Ленинграда.

Корабли, имеющие свой ход (не поврежденные), ушли в Ленинград, оставив фарватер в торосах, спаянных из глыб льда. Часть моряков сняли с ушедших кораблей, и на базе отряда, пришедшего с Ханко, был создан батальон морской пехоты, расквартированный в Кронштадте. У нас не было опыта воевать в пехоте, но зато злости и ненависти к врагу за все виденное и пережитое было предостаточно. Мне довелось в этом батальоне служить во взводе разведки командиром отделения. Много было разных заданий – это и ночные поиски, разведка минных полей противника, наблюдение за противником с близкого расстояния в ночное время.

Почти каждую ночь напролет, предоставленный всем морозам, ветрам и метелям, стоял батальон на льду. Первая военная зима была холодной. Многое забылось со временем, но одна из операций запомнилась хорошо.

Приказ, как всегда, был коротким: вклиниться в оборону противника, взять языка, выявить огневые точки противника.

Отряд численностью в 13 человек вышел с угла военной гавани с наступлением темноты, потому что с бугристого берега Петергофа противник просматривал всю территорию. Шли 15 км, т. е. маршрутом наших дозоров до полузатонувшего и вмерзшего в лед корабля, который был как бы границей между кронштадтским и ленинградским дозорами. Далее повернули в сторону Петергофа, прошли фарватер, обошли минное поле противника. Лед был покрыт снегом сантиметров на 15–20. Когда надо было ползти, разделились: головным пошел командир отделения Зарецкий с тремя матросами. Я с тремя матросами – слева метров на 30–40. С правой стороны, на таком же расстоянии, командир отделения Шмелев с двумя матросами и немного сзади – командир отделения Зимичев с одним разведчиком, как бы связным. Зимичев был старшим. Подползая к берегу противника, я обратил внимание на его поведение. Обычно они, не стесняясь, простреливали местность из пулеметов, освещали осветительными ракетами, а тут – тишина, и где-то в глубине мигнули как бы карманным фонарем. О замеченном немедленно, через разведчика, доложил Зимичеву, который передал: «Несмотря ни на что, задание надо выполнить». Для себя уяснил, что внезапно не получится – будет бой, и далеко не равный.

Евгений Михайлович Абрамов

Подползли к ограде, похожей на церковную, за поросшей акацией одноэтажное каменное здание (на топографической карте оно значится как музей, но это не тот красавец музей, который стоит на бугре, в окружении фонтанов, а внизу, прямо у берега и вдаётся немного в море). По обе стороны бетонные причалы для подхода кораблей, высотой около двух метров. Снегу здесь было больше, даже переходил в сугробы.

Зарецкий прошел к берегу вдоль ограды. Я вышел на его след, и вдруг удар – наподобие сильно хлопнувшей двери. Это был выстрел ракетницы. Над нами повисла осветительная ракета, стало светлее, чем пасмурным зимним днем.

Пока висела ракета, немцы не стреляли, как бы выбирая цель и уточняя, сколько нас. То же делали и мы. В этом музее, видимо, у них никого не было, а то бы они нас расстреляли в упор, а может, чего-то ждали. Как только ракета погасла, а другая не успела взлететь – раздалось несколько пулеметно-автоматных очередей, как бы трусливых, одна из которых сразила Зарецкого. К сожалению, я не помню его имени и откуда он родом, помню только, что он был хороший, простой парень, и, когда собирались в разведку, спросил его, почему он не берет маскировочный халат. Он сказал, что у него белый полушубок, под цвет снега, и что халат стесняет движения. Вот, видимо, немцы и приняли его за главного. А дальше начался ураганный огонь.

У меня ранило матроса в ногу, и он начал отползать. Дернулся другой – пуля попала в руку. Проползли мимо разведчики Зарецкого. Невозможно было ни стрелять, ни командовать, стоял сплошной ад, метель не от ветра, а от пуль. Остался у меня один разведчик, почему-то запомнилась его фамилия – Омельченко. И тут заметил, что оказался мишенью, – по мне бил пулемет, метров с 50–60, пули трассирующие и ощущение такое, будто пролетают искры то с правой, то с левой стороны. Ночью особо не прицелишься. Упал, сдвинул снег автоматом, лежу, не двигаясь, – еще несколько очередей мимо, видимо, догадались, что я убит, по мне стрелять пока перестали. Огляделся – разведчика моего нет. Достал гранату, бросил за ограду наугад, чтоб взрывом сбить немцев с толку. В несколько бросков отошел назад и за угол ограды так, чтобы у этого пулемета быть не в поле зрения. Потом еще назад, чтобы ракеты не перелетали меня, а не долетали. Здесь можно немного разобраться.

Вижу, в сумерках прыгает на одной ноге Зимичев, наш старший. В руке наган, вокруг снег подбрасывают пули, и к нему ползут два матроса, посланные Шмелевым ему на помощь. Шмелев в такую переделку не попал, он шел с правой стороны, перед ним причал – на него не влезешь, но такую смелость, которую проявили эти матросы, не всегда увидишь и в кино.

Я дал очередь по пулемету, мешавшему им. Он почему-то на время замолк. Может, пули рядом застучали и озадачили немцев, но этого было достаточно, чтобы эти храбрецы подхватили его на руки и быстро потащили. Я вижу и радуюсь за них. Вижу, присоединился к ним Шмелев, подполз и я. Начинало светать. Быстро, по очереди: то мы со Шмелевым его, то эти два матроса (их фамилии – Исаков и Антоничев, не забудутся мной никогда) стали оттаскивать Зимичева хотя бы от пулеметного огня. Оттащили на километр, дальше нельзя, полон сапог крови. Наган не сдает, три последних патрона приберег для себя, и получается, что рука занята, нога перебита. Разрезали сапог, пуля попала в коленную чашечку. Перевязали, бинтами привязали и сапог. За этим занятием застал нас рассвет, а с ним и смертельная усталость, но надо отходить. Подняли раненого, не прошли и двадцати шагов, как впереди разорвались четыре снаряда. И так пять километров. Маскировочные халаты стали из белых черными и порванными пулями и осколками снарядов.

Били большим калибром, потому что пробивало до воды. И вот радость – над головами, с ревом и свистом, пролетел 12-дюймовый снаряд с линкора «Марат», который из-за повреждений не мог уйти в Ленинград. Снаряд угодил в место нашей перестрелки, где, как муравьи, высыпали немцы поискать трофеи, и вот нашли. С этого момента их батареи стрелять по нам перестали.

Чувствую, обессилили окончательно. Навстречу нам выслали две подводы, запряженные лошадьми, на чем и добрались до Кронштадта.

Раненых обработали медсестры и отправили в госпиталь. Увидел там Омельченко, он был не ранен, но трясся как в лихорадке. На второй день он попросился перевестись в пулеметную роту, где через неделю был убит осколком снаряда.

Первую часть приказа нам выполнить не удалось, зато вторую – с лихвой. Так и была озаглавлена заметка в газете «Краснознаменный Балтийский флот» в начале марта 1942 г.: «Разведка боем».

После этого еще раз два-три ходили в ночную разведку (поисковую) у берега противника. Лед на заливе стал слабнуть. В конце марта 1942 г. переведен на береговую батарею № 200 командиром отделения разведки.

Может, какие моменты со временем забылись, но фамилии подлинные, и, возможно, кто-то остался жив. Впереди оставалось еще три года войны.

Елена Абрамова

За пять дней до капитуляции

В нашем семейном архиве сохранились старые фотографии и письма.

Среди них – фотография красивой девушки с роскошными густыми русыми косами и пронзительно голубыми глазами.

Это родная сестра моего прадеда, Щетинина Анатолия Матвеевича, – Лариса Щетинина, или Лара, как ее звали в семье.

Ослушание

Лариса была единственной дочерью в семье, где росли еще три брата: старший Николай, средний Владимир и младший – мой прадед Анатолий.

Отец Ларисы, Матвей Алексеевич Щетинин, окончив учительскую семинарию, сначала был учителем в городе Баланде (ныне город Калининск в Саратовской области). Здесь он познакомился с Валентиной Владимировной Рубановой, отец которой был священником. Дочь должна была выйти замуж за священнослужителя, но ослушалась родителей и выбрала в мужа учителя. В семье шутили, что он приворожил ее своими голубыми глазами. Поженились они в 1916 году. Свадьба была в селе Белый ключ Вольского уезда Саратовской области. Венчались в церкви Михаила Архангела, а в церковь ехали в карете, которую дала помещица Бекетова. После революции Щетинины переехали в Сердобск на Крестовоздвиженскую (ныне Первомайскую) улицу, в дом Осипа Трифоновича Щетинина, где родились все их дети.

Лариса Щетинина

В 1938 году один из сыновей Матвея Щетинина и Валентины Рубановой – Владимир – поступил в Саратовский университет на биологический факультет. Год спустя его сестра Лариса поступила в тот же университет на медицинский факультет, успешно сдав 7 экзаменов.

На подступах к Берлину

Началась война... В 1941 году Владимир был на полевой практике, но уже в июле ушел на фронт. Больше родные его не видели. Единственное письмо пришло 29 января 1942 года. Родные с горечью узнали, что он погиб на Волховском фронте в 1942 году.

В 1943 году Лариса была направлена на фронт. В 1944-м она приехала в родной город, где поправлялась после ранения. Со слов родных, ее комиссовали, но она вернулась в свою часть, в которой служил ее любимый.

Со своей частью Лариса дошла до самого Берлина, где и погибла 29 апреля 1945 года на подступах к Берлину от руки немецкого снайпера, не дожив до капитуляции гитлеровской армии всего пять дней...

Один из ее однополчан в письме от 24 июня 1945 года прямо из Германии так сообщал о смерти Ларисы Матвеевны Щетининой: *«...работая врачом в нашей части, презирая опасность, под огнем противника, смело оказывала медицинскую помощь раненым бойцам и офицерам, всегда была там, где был самый горячий бой. Нашу любимую Ларису можно было видеть днем и ночью на самых опасных местах боя, на улицах Берлина. Не страшась смерти, Лариса выполняла свой долг перед родиной, спасая жизнь борцам за родину... Лариса не поберегла себя и прямо, не маскируясь, бежала к тому месту, где были раненые, в результате через пять минут после ее ухода мне и еще двум товарищам пришлось вынести с поля боя нашу дорогую Ларису, тяжелораненую в голову. Ранил ее фашистский недоброжелатель-снайпер, хотя у нее на рукаве инициалы ясно был виден красный крест – знак медицинского работника. Похоронили мы ее со всеми воинскими почестями в пригороде Берлина...»*

В семье Ларису запомнили очень доброй, приветливой и доброжелательной. И ее смех – открытый и радостный.

В 1985 году на территории Саратовского медицинского института установили мемориал. На мемориальной доске записаны имена сестры и брата – Ларисы Щетининой и Владимира Щетинина, – которые погибли на фронтах Великой Отечественной войны, защищая Родину.

*Кисляева Д. С. – учащаяся,
Дзыбинская Н. П. – учитель
(МОУ лицей № 2, г. Сердобск)*

Молитва ребенка

Бойченко Александр Алексеевич родился 31 августа 1906 года в селе А-Донская Воронежской области, в семье крестьянина-середняка. В семье было четверо детей – трое мальчиков и одна девочка. Когда ему исполнилось 11 лет, отец его умер, и он остался старшим в семье.

*Александр Алексеевич Бойченко.
Простой красноармеец*

Когда началась война, 22 июня 1941 года, дедушке принесли повестку в 12 часов ночи в этот же день, и 24 июня он был взят на фронт. Провожать его пошла вся семья – жена и двое детей. Путь был дальний – 8 км пешком... Бабушка плакала всю дорогу... Когда

пришли к военкомату, там было уже много призывников с семьями. Кругом плач, музыка, крики... Когда скомандовали строиться, бабушка Лиза и дочери бросились к дедушке Саше с плачем и не отпускали его... Ему пришлось силой разнимать кольцо любящих рук и идти строиться... Потом весь строй погрузили на пароход до Лисок, оттуда на поезд до Воронежа. Из Воронежа они поехали в Брянскую область, г. Гомель. Под Гомелем в поселке Белореченск уже шел бой. Армия отступала до Острогорска. Дедушка получил первое ранение под Белгородом, Большетроицкий район, 28 июня 1942 года. Часть отступала к Воронежу через Острогорск. Город горел, они переехали мост, где скопились множество беженцев, гурты крупного рогатого скота (который гнали из Белоруссии и Украины в тыл), военная техника. Когда переехали реку Дон, дедушка попросился забежать домой. Их комиссар ехал в направлении Лиски. Старшина Попков Федор Иванович подвез дедушку до села Лосево, что в 18–25 км от Дуванки, и дальше он пошел пешком. Рана на ноге болела, и он шел с палочкой домой, чтобы обняться с семьей. Это было 7 июля 1942 года. Через 2 дня родные провожали отца через поле на Михайлову, в Гаврильск. Там он встретил Дубовицкого Федора Дмитриевича, главврача ветеринарной службы, и ветеринаров, знакомого милиционера. Они помогли ему добраться до санитарной части в Семеновке, где он долечивался после ранения. А оттуда после лечения его отправили в Сталинградскую область, станция Уничи. Там еще полтора месяца он лечился в госпитале. После лечения был отправлен поездом на Воронеж. Немец был уже под Воронежем. Их высадили с поезда перед Воронежем и сказали идти пешком до Воронежа. Продуктов не было. Когда шли через населенные пункты, просили есть у населения. Как-то остановились на ночь в одном селе. Председатель колхоза попросил косить хлеб. Их было 20 человек, командовал ими младший лейтенант. Они косили, а немецкие самолеты летали над ними... Два дня косили, кормили хорошо. Потом приехало начальство и их направили на распределительный пункт в Воронеж. Второе ранение получил там же в танковой части при наступлении на Воронеж, разрывная пуля попала в правую руку ниже локтя... В условиях полевого госпиталя кости собрали неправильно. 8 октября 1942 года попал в госпиталь в Тамбовскую область, г. Кирсанов, где пролежал несколько месяцев. Руку пришлось ломать. Доставать осколки и раздробленные кости. Из госпиталя его комиссовали 30 июля 1944 года инвалидом 2-й группы. 8 месяцев семья не знала о нем ничего... В село приходило каждый день по несколько похоронок. С их улицы погибли в каждом доме, и только дедушка вернулся благодаря молитвам его младшей дочери Нины, которая молилась каждый день Богу, чтобы ее «папочка остался живой...». И Бог внял молитвам ребенка...

Раненая рука еще долго напоминала о себе, раны открывались, несколько раз его оперировали. Последняя операция была в августе 1951 года, когда у него родился первый внук, Александр, названный в честь него и погибшего старшего брата зятя. Правой рукой дедушка не мог кушать, но он ее постоянно разрабатывал.

Дедушка получил первую награду – орден Красной Звезды в госпитале, когда был ранен в руку в бою за Воронеж. Когда закончилась война, он получил орден Отечественной войны и множество медалей. Дедушка был очень скромным, трудолюбивым и честным человеком, которого все уважали и любили.

Елена Николаевна Коломицкая

Впереди орудий

В восемнадцать лет, в августе 1941 года, мой дед Виктор Харченко ушел на войну. Фронтовая судьба оказалась недолгой. Но год и три месяца на передовой наложили отпечаток на всю оставшуюся жизнь. Иначе не скажешь – домой, в родную деревню, дед вернулся без правой руки.

А начиналась служба в Семипалатинске, в пехотном училище. Но не всем курсантам сорок первого года суждено было стать командирами. Армия несла большие потери. И по приказу Сталина недоучившиеся курсанты встали в строй. Так в апреле 1942 года началась для деда настоящая война.

Конная разведка, куда определили молодого солдата, выполняла задачи в составе артиллерийского полка. Делом занималась, на первый взгляд, простым – обследовала прифронтовые районы, искала удобные места для расквартирования батарей, определяла расположение врага, занималась корректировкой огня. Но все это – на самом передке, впереди орудий, которые никто не рисковал выдвинуть в неразведанный район.

В мае сорок второго дед принял боевое крещение в бою под Воронежем. А вскоре часть перебросили на курское направление, где несколько месяцев бои шли с переменным успехом: то продвигались вперед, то переходили к обороне. К началу знаменитого наступления, определившего впоследствии коренной перелом в войне, в лесах под Курском, по рассказам деда, скопилось огромное количество людей и техники. И было ясно, что идти предстоит только вперед...

Из представления ефрейтора Харченко Виктора Константиновича к награждению медалью «За отвагу» (podvignaroda@mail.ru, сохранены орфография и пунктуация): «...в наступательных боях проявил себя бесстрашным разведчиком. Выдвинувшись на передний край нашей обороны, тов. Харченко В. К. обнаружил скопление пехоты противника, готовившейся к контратаке, быстро сообщил координаты в штаб, в результате чего массированным огнем артиллерии полка более 60 гитлеровцев нашли себе могилу, контратака противника была сорвана. Им обнаружено за время наступательных боев: 2 арт. батареи, 1 мин. батарея, 2 НП, 3 ДЗОТа, которые были уничтожены огнем артиллерии полка».

Виктор Константинович Харченко

Так шли день за днем напряженные фронтовые будни, выполнялась простая мужская работа... Пока после боя неподалеку от ставшей потом знаменитой Прохоровки Виктора Харченко не привели в госпиталь с перебитой рукой. Там же, в полевых условиях, провели нехитрую операцию. И дед на всю жизнь запомнил, как некоторое время еще шевелила пальцами его отрезанная чуть ниже локтя рука...

После нескольких месяцев госпиталей с боевыми наградами и одной рукой бывший воин вернулся домой. Родственники годы спустя рассказывали, что в сердцах он разбил гитару, на которой до войны прекрасно играл. Инструмент оказался больше не нужен.

Начиналась новая трудовая жизнь, которая продлилась более полувека. К фронтовым медалям прибавились регалии за труд, в том числе в 1966 году грудь ветерана украсил орден

Ленина. Всю жизнь дед проработал в родной Сретенке Щербактинского района. Заведующим фермой, бригадиром, управляющим отделением совхоза. Не сидел без дела и на пенсии, правда, когда стало подводить здоровье, перебрался поближе к детям, в поселок Яровое Алтайского края. С женой Марией Яковлевной воспитал восьмерых детей, успел порадоваться внукам и правнукам...

Из родни с войны не вернулись 16 человек. Погиб родной брат Александр. Он был призван чуть позже деда и окончил короткий курс Семипалатинского пехотного училища. Молодой лейтенант сложил голову под Ленинградом. Еще три ушедших на фронт брата – Алексей, Михаил и Петр – свою послевоенную жизнь связали с армией, стали офицерами. Как и старший сын Анатолий, вышедший в отставку в звании полковника. Вот такая крестьянская семья из Сретенки...

Н. Гостищев

«Будь тем доволен, что есть...»

Я – ветеран здравоохранения, пережила блокаду Ленинграда. Сейчас мне 93 года, я живу в Петербурге на Васильевском острове, в приюте для одиноких пожилых людей, созданном членами правления «Семёновского благотворительного общества» (Общества потомков П. П. Семёнова-Тян-Шанского).

Родом из Петрограда

Родилась в Петрограде в 1922 году. С детства писала стихи, прекрасно рисовала, и впоследствии мои рисунки всегда занимали призовые места на районных и городских конкурсах.

В школу пошла на улице Союза Печатников – до революции это была гимназия, и в ней еще служило немало прекрасных, как тогда говорили – «старорежимных», учителей. Поэтому и образование получила отменное. Правда, учебный год 1940/41 гг. я пропустила – обострилась болезнь легких, однако перед самой войной легко поступила на филфак Ленинградского университета – об этом мечтала все школьные годы.

Нина Григорьевна Тенигина

С самого начала артиллерийских обстрелов города здание филфака постоянно было на линии огня. Студенты не столько учились, сколько дежурили на крышах, тушили зажигалки – одним словом, по мере сил помогали защищать любимый город. Потом Госуниверситет эвакуировали, а я... осталась.

Что делать? Куда идти работать? Случайно узнала, что в противотуберкулезном диспансере, который разместился в большой пустующей квартире на Большом проспекте Васильевского острова, требуются медсестры (к тому времени большинство дипломированных врачей и медсестер были на фронте).

Но почему диспансер размещался в квартире? Ответ прост: здание прежнего тубдиспансера, которое находилось на территории больницы им. Ленина (ныне она носит свое

историческое имя – Покровская больница), было разрушено при бомбежке в первые месяцы войны.

В диспансере меня встретила Варвара Митрофановна Мясоедова, только-только окончившая медицинский вуз, которую назначили сюда главврачом (дружбу с ней я пронесла через всю жизнь). И та приняла меня на работу.

Это была большая удача! Ведь медицинских знаний не было никаких, всему приходилось учиться на ходу. Помогали книги по медицине, которых в диспансере был целый шкаф. Читала много и жадно, лечебное дело всё больше увлекало меня. Но главное, работа давала право на получение рабочей карточки. А это – уже не 125, а целых 250 граммов хлеба в день!

Жизнь и работа в блокированном городе привели к стремительному росту многочисленных заболеваний, имеющих ряд клинических особенностей в условиях их сочетания с болезнью голодания – алиментарной дистрофией. Но, несмотря на тяжелую блокадную обстановку, в противотуберкулезных учреждениях шла напряженная работа по выявлению и лечению больных туберкулезом. Дефицит топлива и сильные морозы 1941–1942 гг. сделали практически невозможным проведение лабораторных и рентгенологических исследований, что сказывалось на качестве диагностики и лечения. Основным методом лечения больных туберкулезом легких в то время – искусственный пневмоторакс. Антибиотиков и других медицинских препаратов, которые могли бы кардинально повлиять на течение болезни, в арсенале врачей блокадного города не было...

С туберкулезом боролись по плану

Ходить на работу приходилось пешком – с началом зимы транспорт в городе встал. Чтобы сократить путь на работу, с проспекта Маклина, где я жила с родителями, шла по льду через Неву. Вдоль тропинки лежали трупы людей, и их некому было убирать...

Вспоминается страшный случай каннибализма: утром шла на работу – на льду реки лежал мальчик лет полутора без признаков жизни. Возвращаюсь домой – тот же мальчик лежит уже на животе, а его ягодицы кем-то вырезаны...

Кто мог, привозил трупы умерших родных и близких к больнице им. Ленина. Их было много, очень много... Трупы, как бревна, складывали затем в огромные штабеля. Страшное зрелище!

В июне 1942 года была проведена общегородская конференция врачей Ленинграда на тему «Особенности туберкулеза в 1942 году». В августе того же года специальной комиссией был составлен план борьбы с туберкулезом.

Несмотря на жестокую нехватку продуктов питания, продуктовые нормы в туберкулезных стационарах на одного больного были в 1,5 раза больше, чем в общесоматических больницах. Большое внимание уделялось также улучшению питания амбулаторных больных туберкулезом, которым выдавалось дополнительное усиленное питание (апрель – август 1942 года). Значение этого факта вряд ли можно переоценить.

Работали на совесть

Работали на совесть, о себе думали в последнюю очередь. Кроме непосредственно работы в противотуберкулезном диспансере, много приходилось работать физически – разбирали старые деревянные дома, например. Это было невероятно тяжело для нас, девушек и женщин, только-только переживших первую страшную блокадную зиму. Трудно даже представить, откуда брались силы ворочать тяжелые бревна и доски? И конечно, здоровья нам этот труд не прибавил, последствия блокады чувствовала на протяжении всей своей жизни...

Но зато в следующую блокадную зиму мы уже не так мерзли – всем ленинградцам выдали по 2 кубометра дров.

Нелегко было ездить за молочными продуктами для туберкулезных больных. Это было даже не молоко, а какой-то молочный суррогат типа кефира. Брали бидон емкостью 50 литров, ставили на тележку, два человека впрягались впереди, один толкал сзади. Шли на другой конец города на комбинат, не помню сейчас, где он находился, почему-то в память врезалась цифра: 5 мостов. Нам надо было пройти 5 мостов, прежде чем мы добирались до места. За эту дополнительную работу мы с коллегами получали примерно по 0,5 л этого «кефира» на человека.

Однажды, пока ждали своей очереди у комбината, мимо проезжал грузовик, груженный продовольствием, и из него выпала банка сгущенного молока. Настоящего, которое до войны продавали. Сладкая масса растеклась по грязному асфальту... Мы молча смотрели на нее и глотали слюнки. Одна из женщин не выдержала, подбежала к молочной лужице, встала на колени и стала слизывать сгущенку с асфальта. Да... голод очень менял психику людей.

Буду врачом!

В 1943 году твердо решила поступать в 1-й Медицинский институт, однако В. М. Мясо-едова стала отговаривать – мол, обученных медсестер и так не хватает, может быть, дожидаться сначала конца войны?

Нина Григорьевна Тенигина

Но я была непреклонна и подала документы в вуз. Училась охотно, любовь к медицине всё больше овладевала мною. В 1948 году получила диплом с отличием об окончании института. Все годы учебы занималась в студенческом научном обществе, которое возглав-

лял Михаил Дмитриевич Тушинский – крупнейший ученый-медик, терапевт, инфекционист, академик Академии медицинских наук СССР, первый главный терапевт Ленинграда в 1942–1949 гг.

Особенно радостным для всех ленинградцев стал день 27 января 1944 года. Блокада города была снята! На улицах – полно народа, все обнимаются, плачут, просто даже не верилось, что вот-вот наступит мирная жизнь. Не нужна была теперь светомаскировка, включили электричество, стало лучше с продуктами. Однако чувство голода оставалось у меня еще долгие годы. Никто из нас, блокадников, никогда не выбросит даже корку хлеба!

После окончания института работала по распределению в Таджикистане, потом вернулась в Ленинград и стала работать на кафедре своего учителя М. Д. Тушинского. Защитила кандидатскую диссертацию, была заведующей пульмонологическим отделением и одновременно преподавала, совмещая лечебное дело и научную деятельность. Написала ряд научных работ, в том числе выступила соавтором книги «Железодефицитные состояния».

В свободное время много рисовала – пейзажи, зарисовки мест, где приходилось бывать, портреты. Пользуясь русским подстрочником, который делал для меня знакомый моей подруги – перс по национальности, я перевела 623 рубаи Омара Хайяма и являюсь сегодня третьим по счету поэтом по количеству переведенных стихотворных четверостиший. Вот одно, которое мне особенно нравится:

Живи праведно, будь тем доволен, что есть,
Живи вольно, храни и свободу, и честь.
Не горюй, не завидуй тому, кто богаче,
Кто беднее тебя – тех на свете не счесть!

Меня часто спрашивают, как мне удалось дожить до столь преклонных лет? Секрет прост: на протяжении всей своей жизни я неизменно сохраняла доброжелательное отношение к людям и искреннее желание помочь ближнему... В моем сердце совершенно нет зла и обиды. И желаю я только одного: счастья и мирного неба будущим поколениям!

Нина Григорьевна Тенигина

Похороненный заживо

Передо мною лежат пожелтевшие от времени листы служебно-боевой характеристики на старшего краснофлотца войсковой части 36078 артиллериста-наводчика Гольцова Фёдора Степановича – это мой прадед. Раньше мне казалось, что герои живут где-то в другом мире, что они сильно отличаются от обыкновенных людей. А кто же тогда был мой прадед?

Родился он в 1911 году в селе Горлышевское Архангельской губернии, что до сих пор глядится оконцами ветхих домов в воды Северной Двины. Семья была большая и крепкая, сыны были высокими, широкоплечими, белокурыми, трудолюбивыми, с открытыми улыбками, такими они и вошли в жизнь, как семь славных русских богатырей.

Необыкновенные белые ночи – только ради них можно навсегда полюбить Заполярье. Может, так же, как и я, любил мой прадед подняться белой ночью и тихонечко подойти к окну, смотреть на небо, сопки, где солнышко, еще не успев скрыться за горизонт, уже поднимается снова, слушать звонкую тишину прозрачного северного лета.

Нет, не хотел мой прадед нарушать эту хрупкую гармонию разрывами бомб, не хотел воевать, не хотел так же, как не хочу войны сейчас и я.

Старший краснофлотец Ф. С. Гольцов был призван на фронт 23 июня 1941 года, подумать только, сразу на следующий день после объявления начала войны – 22 июня 1941 года, воевал на перешейке полуострова Средний, защищавшем вход в порт Мурманск.

Незамерзающий мурманский порт, через который шли и шли караваны судов с боеприпасами и продовольствием, как одна из живительных артерий, подпитывающих израненное тело земли российской.

Мало мягкой земли на Кольском полуострове – всё камни, мало леса по краю моря Баренцева – всё скалы. Тридцать два раза только в 1941 году по открытым скатам в заполярный день под вражеским обстрелом он подносил боеприпасы, пищу на передние точки боевого охранения, трижды действовал в составе разведки и был в тылу врага. О чем думал он тогда? Кто охранял его от гибели?

Передо мною орден Отечественной войны II степени и медали прадеда, одна из них «За отвагу», которая ценилась среди бойцов выше прочих. Существуют на Земле понятия, смысл которых, казалось, и объяснять не нужно, впитывает их человек с молоком матери, вдыхает с воздухом родных мест, но откуда тогда зло, трусость, предательство, жестокость на Земле до сих пор?

Фёдор Степанович Гольцов

22-23 ноября 1942 года краснофлотец Ф. С. Гольцов нес дежурную службу в боевом охранении. Гитлеровцы начали ожесточенный штурм советских укреплений, казалось, все, как в последнем бою... Главное – это действовать, осознание происходящего придет потом. Все сливается в единый мистический организм – живые и мертвые, огневые точки, ревущие скалы. Где мой прадед, та частичка на Земле, без которой и меня бы сейчас не было? Чью жизнь он защищал в том бою? Получается, что и мою?

Около 170 выстрелов успел произвести наводчик Гольцов по захватчикам, часто бил прямой наводкой с кратчайшего расстояния. За грохотом разрывающихся мин и снарядов он не различил снаряда, который попал в их орудие, моего прадеда полностью укрыла земля, и наступила тишина и покой.

Он открывает глаза и видит прозрачно-голубое небо, облака. Чуть приподнимается и чувствует, что под ним стог ароматного сена, он, наработавшись вдоволь, уснул здесь на двинском приволье, а к нему навстречу идет жена, на руках маленькая доченька Лиленька...

Но судьба, разодранными в кровь руками санитаров, раскопала моего прадеда. Хранимый Богом оказался сын Земли своей, оправился после контузии и до 20 октября 1944 года защищал перешеек полуострова Средний, что стал непреодолимой преградой для немецких войск.

В период с июля по октябрь 1944 года, когда велась подготовка наступления на врага со стороны советских войск, оружие старшего краснофлотца Гольцова постоянно осуществляло огневые налеты, а в день разгрома вражеской обороны вело огонь, в течение шести часов было произведено около пятисот выстрелов.

Затем войсковая часть 36078 была переброшена на побережье Кореи для разгрома японских самураев.

Война закончилась для моего прадеда 5 ноября 1945 года. Он остался жив. Умер Ф. С. Гольцов 28 мая 1977 года.

Спасибо тебе, прадедушка. Любим тебя, помним.

Твои внуки, правнуки.

Награды Гольцова Фёдора Степановича:

1. Орден Отечественной войны II степени, присвоен 24.11.1944 г.
2. Медаль «За отвагу»
3. Медаль «За оборону Советского Заполярья»
4. Медаль «За участие в японской кампании»

Елена Сергеевна Никандрова

Дядя Ларывон

Родной брат моего дедушки, Шаблюк Илларион Иосифович, родился в 1913 году в деревне Селище Стародорожского района Минской области, Республика Беларусь теперь. Его отец, Шаблюк Иосиф Иеронимович, купил землю в этой деревне в начале 20 века для проживания своей семьи и ведения личного хозяйства. Отец, Иосиф Иеронимович, человек был грамотный, во время Первой мировой войны служил писарем в артиллерийском полку в императорской армии. Был арестован 24.04.1933 г. по доносу. По приговору «тройки» был обвинен в антисоветской агитации и приговорен к 3 годам ИТЛ. Сгинул в ГУЛАГЕ, в Казахстане. Реабилитирован в 1989 году.

Илларион Иосифович Шаблюк

Тем не менее Илларион Иосифович получил образование, в 30-е годы окончил Слуцкий педагогический техникум. К началу войны служил в Красной армии в районе Белостока. Красная армия терпела поражение от мощного, вероломного удара германской военной машины. Илларион Иосифович попал в плен под Столбцами (70 км юго-западнее Минска) в июле 1941 года. Огромные пешие колонны пленных начали сгонять в Минск без воды, еды и

медицинской помощи. В Минске пленные получили по 2 вареные картофелины, и все. Всех согнали в вагоны и повезли в сторону Польши. В лагерь смерти Освенцим. По приезде все пленные были разделены по разным признакам: офицеры, солдаты и т. д.

Каждый день выкапывали ямы для умерших от ран, болезней, голода, издевательств и пыток, расстрелянных и отравленных в газовых камерах. Ямы обильно посыпались известью. Однажды Илларион Иосифович копал яму и для себя, но как-то обошлось. Илларион Иосифович принял для себя, кажется, невозможное решение – побег! Решив, что лучше погибнуть сразу при попытке побега, нежели и дальше терпеть эти невыносимые страдания, свои и чужие. Боясь страшных эпидемий, фашисты все-таки иногда водили заключенных в баню, которая располагалась на тот момент за воротами лагеря. Возле дороги рос большой куст сирени. Его-то и заметил Илларион Иосифович. Бежать он решил с одним заключенным. Но в последний момент тот отказался.

Во время очередного похода в баню Илларион Иосифович пристроился сбоку колонны. Проходя мимо этого куста, нырнул в него. Часовому показалась какая-то тень, но огонь он не открыл, а только провел рукой по кусту, едва не задев Иллариона Иосифовича. Оказавшись свободным, Илларион Иосифович без одежды, еды решил пробираться с территории оккупированной Польши в сторону родного дома. Лесами, ночью, заходя на одинокие хутора и прося какую-нибудь еду. Кто-то давал, кто-то нет. Вообще, в лесу в ту пору было много беглых, окруженцев. С одним таким парнем он встретился, и они продолжили путь вместе. Однажды их пустили переночевать в польской деревне, в сарае. И хозяин тут же их выдал немцам. Немцы зашли в сарай, у одного перед собой был фонарик. Хорошо, что немцы были пьяные, и реакция их была замедленная. Илларион Иосифович со всей силы ударил немца по руке, фонарик отлетел в сторону.

В полной темноте он бросился бежать. Что стало с его напарником, он не знал. В самом конце октября 1941 года он вышел к реке Буг. Река уже была покрыта тонкой пленкой льда. И он решил ждать устойчивого льда, чтобы перейти реку. Переплыть ледяной Буг даже не изможденному человеку невозможно! И опять начались скитания, холод, голод, постоянная опасность. Наконец наступил момент, когда он взял большую палку и по хлипкому льду начал переходить Буг. Долгим, страшным и изматывающим был его путь домой. Но он все-таки пришел в свою родную деревню Селище. Мать не узнала в этом страшном, больном, опухшем от голода человеке своего сына, некогда красивого молодого мужчину. Постепенно она выходила и вылечила его. Территория Белоруссии была давно оккупирована. Как сейчас легализовать беглого красноармейца, узника концлагеря? Но опять каким-то чудом ей удалось заполучить для него аусвайс.

Буквально с 1942 года он идет в партизанский отряд, которым командует легендарный Алексей Иванович Шуба, впоследствии Герой Социалистического Труда. Илларион Иосифович участвует в боевых операциях, осуществляет разведывательную и связную деятельность. Однажды он и еще 2 партизана ночевали в доме его матери в деревне Селище. Кроме них в доме были жена Иллариона Иосифовича и их новорожденная дочь. Поутру все проснулись и увидели, что вся деревня кольцом окружена карателями. Один партизан спрятался во дворе в колодце, а другой – сразу при входе в сарай. Всех начали выгонять на улицу. Вышел и Илларион Иосифович (у него были все документы, и он мог легально находиться у себя дома) со своей семьей: мать, жена и новорожденная дочь. Беженцев, которые тоже жили в деревне, построили отдельно. Жителей деревни отдельно, перед пулеметом. И начали искать партизан. Долго они так стояли. И опять случилось чудо – партизан не нашли. Если бы нашли, все жители деревни были бы расстреляны. Но с пустыми руками каратели все равно не ушли, забрали все, что можно было забрать. Весь скот, всю птицу, все, что можно было взять в домах.

Дядя Ларывон

В 1944 году, в ходе карательной экспедиции «Пион», мать, жену и маленькую дочь Иллариона Иосифовича забрали в лагерь для семей партизан в деревню Новый Гудков. Карательная экспедиция проходила со 2 по 11 июня 1944 года. Однако уже 23 июня 1944 года началась операция по освобождению Белоруссии – «Багратион», одна из крупнейших военных операций за всю историю человечества. Лагерь для семей партизан фактически само-

распустился, немцам уже было не до него. Неминуемо приближался фронт. Земля дрожала и гудела. Расплата была жестокой. Территория Белоруссии, которую мы сейчас упоминаем, фактически входила в известный «бобруйский котел». Река Березина текла красного цвета. Пушки разворачивали на дороге и стреляли по лесам, вслед отступающим немцам. Илларион Иосифович тоже с Красной армией участвовал в освобождении Белоруссии в составе партизанского соединения. После долгих 3 лет оккупации, террора и грабежей население увидело своих освободителей – советских солдат и офицеров уже в новой форме, с погонами. Людям вспомнилась старая императорская форма. И слабая надежда, которая выразилась в поговорке: «Солдатикам повесили погоны, может, дадут нам и загоны?» Может, вернется старая доколхозная жизнь?.. Илларион Иосифович в 1944 году был еще раз мобилизован в Красную армию. Принимал участие в разминировании территории современной Литвы. Потерял там много боевых товарищей.

Вернулся в конце 1945 года. Наконец его война была закончена... Илларион Иосифович награжден орденом Отечественной войны II степени, другими боевыми наградами. Человеком он был чрезвычайно скромным.

Ольга Малявко

Питомец «Ребячьей академии»

Васильев Владимир Александрович (1930–2005)

«Со взрослыми в бессмертье, в обелисках навечно юнг остались имена...». Эти стихотворные строки бывшего юнга Николая Уланова напоминают об одной из страниц в истории Второй мировой войны, прочитанной пока наспех.

Юнга! Есть что-то волнующее в этом коротком слове. На флотском языке юнгой называется подросток, готовящийся стать моряком, но практически – это юный моряк, наравне со взрослыми преодолевающий все тяготы морской службы. И нередко бывало так, что от штатного флотского специалиста он отличался только возрастом...

В России на военном флоте юнги существовали всегда. Многие бывалые моряки, видные флотоводцы начинали свой путь именно с этого скромного звания (до октябрьского переворота в России существовали две Школы юнг – кронштадтская и севастопольская). Много юных бойцов было в среде моряков и в годы Гражданской войны. Но особенно значимым стало движение юнг, которое развернулось в годы Великой Отечественной войны.

Владимир Александрович Васильев

Мой отец, Владимир Александрович Васильев, тоже был юнгой. Он родился в Ленинграде, начало Великой Отечественной войны встретил 11-летним подростком в родном городе, наравне со взрослыми выезжал в пригороды копать противотанковые рвы, тушил зажигалки на чердаках, ходил на Неву за водой...

Его отец, мой дед, Александр Максимович Васильев, сразу же был призван в ряды Советской армии, защищал Ленинград и, получив зимой 1942 года тяжелое ранение, умер в госпитале от ран 6 января. Похоронен на Пискаревском кладбище.

Юный Володя поклялся отомстить за смерть отца, не сколько раз убежал на фронт, но его возвращали домой – к матери и тете, которые жили и работали в осажденном Ленинграде.

Летом 1942 года на Краснознаменном Балтийском флоте для самых юных защитников Отечества, которые рвались в бой, но не подлежали призыву в армию по возрасту, стали создавать учебные подразделения, а в сентябре начались занятия в открытой на Соловках Школе юнг. Удовлетворить просьбы всех желающих поступить в школу было невозможно, и преимущество при отборе предоставлялось детям моряков и воспитанникам детских домов. Школу юнг на флоте очень скоро стали называть «ребячьей академией», хотя обучение длилось меньше года. Потом – присяга, а «практиковаться» приходилось уже непосредственно в боевой обстановке.

Всего за 1942–1944 гг., по данным архива, 2200 мальчишек добровольно и досрочно ушли служить на флот!

Экипажи принимали юных моряков в свою семью как сыновей, стремились не подвергать их опасностям, оградить от напрасного риска. Но на войне как на войне. Было немало случаев, когда в сложной боевой обстановке юнги заменяли погибших, с риском для жизни приходили на помощь друзьям, самоотверженно боролись за живучесть своего корабля и, даже будучи тяжело ранеными, не оставляли боевого поста.

Но один из своих главных подвигов, как мне кажется, юнги совершили после войны. Торговые порты закрыты – моря вокруг Советского Союза усеяны смертоносной «черной икрой» – морскими минами. В одном только Финском заливе их плавало более 50 тысяч. «Ну прямо суп с клецками», – шутили служившие на Балтике моряки.

Однако веселого в этой самой настоящей минной войне было мало. Часть мин взрывалась сама, а освободить воды Балтики от остальных призваны были специальные корабли – тральщики. Мины просто расстреливались со шлюпок, спускаемых с катеров, с расстояния несколько десятков метров. Случалось, взрыватель не срабатывал, мина опускалась на дно и становилась во много раз опаснее. Другие мины срывались с «якоря», и ветер снова пригонял их на ставшие было безопасными морские пути...

Люди, трудившиеся на тральщиках, знали, что в любую минуту может произойти взрыв. Иным посчастливилось благополучно отслужить несколько месяцев, а другим – всего пять дней... Причем в «минной войне» участвовали не только опытные военнослужащие, но и, как и мой отец, 14–15-летние юнги.

В то время минеры получали от государства «тральные». Плата за уничтожение обычной мины была 500 рублей «старыми деньгами» на корабль, за акустическую – тысяча. За подрыв мины опытный моряк награждался 150 рублями. Юнги выполняли эту опасную работу бесплатно...

Ведение всех послевоенных боевых действий было в то время строго засекречено. То, что ее сына-призывника или юнгу отправляли порой на верную смерть, матери, естественно, не сообщали.

Только в 1956 году командование ВМФ вручило 600 минерам нагрудные знаки «За боевое траление». В октябре 1957 года была официально уничтожена последняя мина на Балтике. После этого о «минной войне» на Балтике и ее героях, по сути поставивших последнюю точку в Великой Отечественной войне, государство постаралось забыть.

Период траления боевых мин засчитывался военнослужащим в выслугу лет в льготном исчислении, то есть один месяц службы за полтора месяца. Больше никаких льгот и почестей, которых удостоились ветераны войны, балтийцы-тральщики не получили. Мало того, время обучения в Школе юнг и практическое плавание до достижения призывного возраста

в срок действительной военной службы юнгам вообще не засчитывались! И это несмотря на то, что иные за свои подвиги получали ордена и медали.

В конце 1950-х годов отец демобилизовался с флота, началась учеба, работа. Он даже побывал по комсомольскому набору на целине, где ударно трудился, о чем свидетельствуют многочисленные похвальные грамоты, хранящиеся в семейном архиве.

Владимир Александрович Васильев. 2003 г.

Со временем в Ленинграде было создано Общество ветеранов юнг-балтийцев, и в начале 2000-х годов они смогли «достучаться» до властей предрежащих и получить, наконец, то, что заслужили: статус участника Великой Отечественной войны и боевые награды, среди которых редкая медаль Ушакова. И слава Богу! А то ведь еще немного – и награждать было бы некого (сейчас в Санкт-Петербурге юнг-балтийцев осталось около 100 человек).

А еще на Васильевском острове есть площадь, названная их именем, – площадь Балтийских юнг. Ее доминанта – трогательный памятник мальчишкам, которые погибли, так и не успев стать взрослыми: мальчик в матросской форме, сняв с плеча винтовку, опустился на одно колено, чтобы пустить бумажный кораблик...

Они были разные, балтийские юнги военных и послевоенных лет. Тихие и озорные. Застенчивые и бесшабашные. Рассудительные и отчаянные в своей решимости. Но у всех у них было и остается то общее, что объединяло их в суровые военные годы и объединяет сейчас: беззаветная любовь к Родине. И пусть это не покажется вам красивыми словами!

...Отец ушел из жизни в декабре 2005 года. Ушел трагически: возвращался вечером с заседания Общества ветеранов юнг-балтийцев, пост председателя которого он занимал долгие годы, был в форме, с орденами и медалями. На него напали какие-то подонки, ограбили, нанесли травмы не совместимые с жизнью, он пытался защищаться... Врачи сделали все возможное, но чуда не произошло. И для всех нас – его детей и внуков – он погиб как герой.

Светлана Васильева, дочь

Несломленная яблоня

В нашем семейном альбоме хранится пожелтевшая от времени фотография. На ней изображена молодая супружеская пара. Он и она – уроженцы Касторенского района Курской области. Молодожены шлют родным свой «Привет из Москвы» – так коротко был подписан снимок. Я мысленно повторяю эту фразу, пытаюсь «прочесть» их взгляды. И в этот момент чувствую себя адресатом этого счастливого «привета» от моих, таких молодых и полных надежд, дедушки и бабушки. На снимке – Горловы Аристарх Игнатьевич и Мария Кирилловна.

Они жили и работали в Москве, где и поженились в сентябре 1939 года, а через год у них родился первенец – Михаил. Я знаю, что это короткое время моя бабушка Мария, имя которой ношу и я, была счастлива. Как страшный сон, она вспоминала минувшие годы: раскулачивание своей семьи и последующий страшный голод, на глазах уносивший жизни близких людей. Казалось, что ничего ужаснее не случится. Но судьба готовила новые тяжелые испытания. Приближался июнь 1941 года.

Привет из Москвы. Горловы Аристарх Игнатьевич и Мария Кирилловна. 1939 г.

Моя бабушка Маша с маленьким сыном гостила у родных в Курской области – там ее и настигло страшное известие о начале войны. Шла всеобщая мобилизация. Нужно было немедленно попасть в Москву – оттуда призывался на фронт мой дед Аристарх. Но на станции в Касторном поезда были переполнены, билеты не продавались. С маленьким сыном на руках она вышла на перрон. В одном из вагонов-теплушек отчаяние молодой женщины заметили. «Тебе куда, мать?» – услышала голос. «В Москву!» – сквозь слезы ответила она. Поезд уже медленно трогался, как чьи-то сильные солдатские руки подхватили ребенка из рук матери, а затем и ее саму посадили в вагон. В сердце с новой силой разгорелся огонек надежды.

Дома на столе ее ждала короткая записка: «Маруся, я в военкомате. Успеешь – приходи. Твой Аристарх». Она чудом успела.

Мой дедушка Аристарх, прощаясь, просил ее ни при каких условиях не оставаться в Москве, а отправляться к его родителям на хутор Окоп Касторенского района Курской области. Именно там, в отчем доме, договорились встретиться после войны все пятеро братьев Горловых. Мой дедушка был средним из них. Горько осознавать, что живым в победном 1945 году вернется только один из братьев. Но в тот момент слез и прощания, в июне сорок первого, когда все еще были живы, Аристарх верил, что спасает жену и сына от войны в глубинке Курской области.

Моя бабушка Маша стала собираться в обратный путь. Но столице не хватало рук. На смену мобилизованным мужчинам приходили женщины – бабушку просили остаться в Москве. Ей предложили работу кондуктора трамвая, а маленького Мишу уже брали в ясельную группу детского сада. Но послушаться мужа она не могла...

Так моя бабушка с сыном вновь оказались на станции в Касторном. Дальнейший путь лежал на хутор Окоп. А на краю соседнего села Мелавки, так близко, что рукой подать, стоял дом ее матери – Белозеровой Александры Ивановны. Места, наполненные и прекрасными, и самыми тяжелыми воспоминаниями, должны были уберечь от войны. Но, увы... Края эти вой на не минула, не обошла...

4 июля 1942 года немецкие войска на долгие семь месяцев оккупировали Касторное и территорию района. Хутор Окоп заняли немцы. Они чувствовали себя хозяевами. Мирных жителей использовали как рабочую силу. Урожай с полей и огородов касторенской земли убрали на хранение в амбары и погреба для последующей поставки в Германию. Здесь также находились склады оружия и боеприпасов, немецкая военная техника.

Много воспоминаний об этом времени хранила моя бабушка. Рассказывала, как по ночам подкармливали партизан: оставляли корчажки с молоком и хлебом в установленном месте, а по утрам проверяли. Были рады-радешеньки, если молоко перелито, а в пустой корчажке записочка (что-то еще просят). Немцы преследовали партизан, выявляли и расстреливали радисток, выгоняли жителей из домов, отнимали продукты. Но такими были не все. Однажды бабушка поймала на себе взгляд молодого немца. В это время она занималась с маленьким Мишей. Немецкий солдат смотрел на них с большой грустью, а потом жестом попросил подойти. Он достал из кармана потертую фотографию: на снимке была молодая немка, которая держала на коленях сына. Немец виновато улыбнулся и протянул Мише конфету, а моей бабушке подарил кусок ароматного мыла.

Вскоре амбары и погреба стали освобождать. Картофелем были наполнены грузовые машины, подготовленные к отправке на железнодорожную станцию в Курбатово. Немцы поручили старосте хутора Окоп найти человека, который хорошо знает местность и будет указывать путь. «Маруська Горлова вас поведет!» – как приговор, прозвучал голос старосты. Показывать фашистам дорогу означало лишь одно – ПРЕДАТЬ. Никто не ожидал от молодой женщины столь решительного ответа: «Нет! Не поведу!»

Аристарх Игнатьевич Горлов. Сентябрь 1944 г.

Дочь раскулаченного мельника, уже испытавшая на себе удары судьбы, она понимала, чем грозит ей подобный ответ. Горлову Марусю тут же объявили партизанкой и под конвоем привели к погребу, в который посадили ожидать до рассвета. Расстрел был назначен на утро.

Ночью мою бабушку никто не охранял, ведь немцы не могли предположить, что у хрупкой женщины хватит сил на то, чтобы выбраться. Было очень трудно, но она смогла. Расстрел не состоялся. Утром была объявлена тревога – искали сбежавшую «партизанку».

Две недели она скрывалась в кустарниках у торфяных оврагов, выбираясь по ночам к своему родному дому на краю села Мелавки. Ночью набиралась сил, а с рассветом уходила снова. Немцам не было известно, что Александра Ивановна Белозёрова – мать сбежавшей «партизанки». И староста этот секрет не выдавал – в этом доме Марусю Горлову не

искали. За молчание Александра Ивановна платила продуктами: яйцами или козьим молоком. Обыска в своем доме бедная женщина допустить не могла. Конечно же, она боялась за жизнь дочери, но была и другая причина: эти стены прикрывали деятельность молодой разведчицы-радистки. Когда и откуда она пришла, никто не знал. Но Александра Ивановна представила девушку как родственницу. В легенду поверили – эту радистку, одну из немногих, так и не выявили фашисты.

Аристарх Горлов. Берлин. 1945 г.

Недалеко от дома росла одинокая яблоня, под которой разведчица скрывала портативную радиостанцию. Когда-то здесь был целый сад, а рядом стояла ветряная мельница. В

этом дворе трудилась большая и дружная семья Белозеровых. ...От мельницы остался один белый камень, да и не было никакой вины у вырубленного сада. Но одна уцелевшая яблонька словно секретничала каждую ночь с молодой радисткой, становясь символом другого, не менее сурового, этапа истории для семьи «единоличницы» Александры Ивановны Белозёровой. Моя бабушка никогда не забывала ту ночь, когда разведчица прошептала ей: «Маруся, сегодня можешь не прятаться. Завтра утром наши будут здесь».

Стоит ли описывать события следующего дня?! «Началось страшное...» – одна фраза, за которой следовало тяжелое молчание. Воронежско-Касторенская наступательная операция была в разгаре. Мелавку и Окоп от немецких оккупантов освобождала 167-я стрелковая дивизия 38-й армии Воронежского фронта.

Женщина-комиссар в длинном черном пальто с решительным настроем задавала один и тот же вопрос жителям освобожденного хутора: «Как вел себя староста?» Тяжелый пистолет нервно взлетал в ее руке. Молчали все, но нашелся смельчак, который поспешил сообщить, что на этот вопрос может подробно ответить Горлова Маруся.

*Несломленная.
Мария Кирилловна Горлова с детьми.
Фото послевоенных лет*

Жена старосты, мать пятерых детей, примчалась к моей бабушке первая. «Маруся, не выдавай!» – в слезах просила она. Пронеслись слухи, что в освобожденных ранее селах

«женщина-комиссарша» расстреливала старост, содействовавших немецким оккупантам. Конечно же, бабушка Маша ничего не рассказала.

Моя смелая, несломленная бабушка, Горлова Мария Кирилловна, не покорилась немецким оккупантам и, под угрозой собственной жизни, сорвала поставку грузовых машин с продовольствием на железнодорожную станцию. Достоин ли был этот подвиг награды?! Стоило ли о нем молчать тогда?! Думаю, что моя бабушка таких вопросов себе не задавала. Главной наградой для нее стали улыбки детей старосты, которые не потеряли отца.

«Счастливая ты, Маруська!» – не раз услышит моя бабушка эту фразу от своих овдовевших односельчанок, когда, пройдя все дороги войны, от Москвы до самого Берлина, вернется с Победой в родной дом мой дед Аристарх. У маленького Михаила появятся две сестренки: Валентина и Нина (моя мама).

Трагические судьбы братьев Горловых заслуживают отдельного повествования, в рамках этой истории стоит сказать о том, что в родительском доме их будут продолжать ждать, не веря официальным извещениям военкоматов, надеясь на чудо. Аристарх, единственный выживший сын на той страшной войне, не посмеет оставить стариков-родителей наедине с горем – возвращение в Москву не состоится.

Деду Аристарху – гвардии рядовому 74-й Гвардейской Нижнеднепровской ордена Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии – было уготовано судьбой уцелеть на полях сражений, но все же погибнуть в открытом поле... 1 сентября 1951 года... во время сильной грозы от прямого удара молнии. Его младшей дочери Нине (моей маме) на тот момент не было и двух лет, но она помнит, как вместо игрушек, которых никогда не было в тяжелое послевоенное время, она играла отцовскими наградами: медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Сталинграда» и маленькой звездочкой, которую очень любила, – это был знак «Гвардия».

Спустя годы бабушка Маша снова и снова будет рассказывать своим детям о том страшном времени, всегда одинаково начиная свое повествование: «Тогда все еще были живы...» До конца жизни будет переживать за судьбу радистки, предупредившей об освобождении села, которая исчезла так же внезапно, как и появилась; приводить своих детей к той самой одинокой яблоне, под которой выходила на связь молодая разведчица. К той самой несломленной яблоне...

Мария Васильевна Сечина

Командир взвода танков

Мой отец, Баташов Василий Павлович, родился 28 декабря 1917 г. в Архангельске в многодетной семье. В начале 30-х, после того как от болезни умер отец (наш дедушка), семья (две младшие сестры и два младших брата (тетя Нина, тетя Тамара, а также младшие братья дядя Коля и Гена) переехали в Казань, где у мамы отца были родственники и было легче найти работу. По рассказам папы, ехали в Казань с большими трудностями, порой под вагонами, в общем, как удастся. Так сложилось, что Василий Павлович был старшим в семье, сёстры – Тамара, Нина, братья – Коля и Гена были младше.

В 1937 году умерла мама. К тому времени Василий Павлович, приписав себе 4 года, уже работал на валяно-фетровой фабрике – делал основу для командирских бурок. В таких условиях ему пришлось возглавить и содержать семью.

Работая на фабрике, он постоянно совершенствовал технологию производства: придумывал разнообразные оснастки, которые помогали увеличить производство и качество продукции. Его фотография не сходила с Доски почёта предприятия – был стахановцем вплоть до начала войны с белофиннами. Затем по комсомольской путевке (так как он был первым секретарем комсомольской организации Кировского района города Казани) ушел в армию добровольцем на войну с Финляндией.

В сентябре 1940 года в Кремле, из рук М. И. Калинина за самоотверженный труд он получил орден Трудового Красного Знамени.

В начале 1941 года призван на срочную службу в Красную армию. После призыва оказался на службе в учебном подразделении механиков-водителей Самарканда, где пришло сообщение о начале Великой Отечественной войны. К сентябрю один раз горел в танке Т-28 (где сгорели все фотографии и бабушки, и дедушки) и еле вышел из окружения; потом переформирование – и на фронт под Москву. После того как в очередной раз танк подбили под Москвой, отца перевели в резерв для пополнения. По рассказу отца, «...в резерве построили, выходит майор, проходит перед строем и вызывает меня и еще 5 человек, командует – направо, шагом марш в вагоны». Так отец в начале 1942 года оказался курсантом 1-го Харьковского танкового училища, а в последующем стал командиром взвода танков Т-34 в звании лейтенанта. (Это училище в 1941 г. успели эвакуировать из Харькова в Узбекистан, в г. Чирчик, где по ускоренной программе проходили обучение будущие командиры танков).

В танковом училище судьба свела отца с Георгием Николаевичем Кривовым. Георгию Николаевичу было 19 лет, когда он был призван в училище. Они подружились. До армии Г. Н. Кривов жил в Ташкенте, можно сказать, что был местный. О жизни той поры, их дружбе можно прочитать в воспоминаниях Г. Н. Кривова.

Их дружба прервалась в 2001 году, когда умер папа. Георгий Николаевич ушел из жизни в середине 2000-х. Для всех нас живущих их дружба является примером и поныне. Они были вместе почти 60 лет...

Ранней весной 1943 года полных два выпуска командиров танка Т-34 (около 1000 человек) выехали в Нижний Тагил за получением танков.

Часть выпуска попала на Курскую битву, а он оказался на южном направлении, сначала под Краснодаром, где в составе 37-го гвардейского танкового полка 15-й гвардейской механизированной бригады 4-го гвардейского стрелкового механизированного корпуса за бои под хутором Найдорфом получил свою первую боевую награду – медаль «За отвагу», затем продолжил воевать в районе Котельниково, Мариуполь, и дальше, в направлении городов Никополь, Кривой Рог.

Уже во втором бою танк был подбит, погиб механик, он и другие члены экипажа получили ранения.

После медсанбата отец был направлен в штаб командира танкового корпуса в качестве офицера связи.

В декабре 1943 года, в одном из боев под Никоподем, получил очень тяжелое ранение и был отправлен в глубокий тыл – в Алма-Ату, где профессор Александров, прооперировав отца, вернул его к жизни. Потом папа проходил лечение в госпитале до апреля 1944 года. А наша мама, Александра Герасимовна Баташова, все это время ждала его в Чирчике вместе с нашей бабушкой Анисией Степановной Куприяновой (своей мамой).

Таким образом, в боевых действиях Василий Павлович в общей сложности участвовал 1 год и 3,5 месяца. Не считая финской войны.

Учитывая тяжелейшее ранение, с апреля 1944 года папа продолжил службу в Ташкентском танковом училище на должности «завспец. классного оборудования» – офицер учебного отдела.

В 1949–1950 гг. был направлен на учебу в Ленинград, на высшие офицерские курсы «Выстрел» (там родился брат Сергей). Затем служил в должности командира танкоремонтной роты Ташкентского танкового училища, а с 1957 года – главным инженером Танкоремонтного завода ТУРКВО в Чирчике.

В 1959 году последовал перевод на должность заместителя по технической части танкового полка в городе Мары – ныне Республика Туркменистан.

Так сложилось, что вся его служба, жизнь были связаны со Средней Азией, Туркестанским военным округом и Чирчиком.

Василий Павлович Баташов

После демобилизации в звании подполковника в 1964 году семья переехала в Чирчик Ташкентской области Узбекистана на постоянное место жительства.

По направлению партийных органов Республики Узбекистан с 1964 г. папа 3 года работал заместителем руководителя санатория «Акташ».

В 1967 году был приглашен на должность руководителя банно-прачечного комбината военного гарнизона Чирчика и Ташкентского танкового училища (выпускником которого он был в 1943 году), где проработал до 1994 года.

За время службы Василий Павлович был награжден тремя орденами и многочисленными медалями.

Сергей Васильевич Баташов

Мой дед отражал атаки «тигров» и «пантер»

Лебедев Иосиф Иванович (1916–1961)

Мой дед, Лебедев Иосиф Иванович, родился 13 ноября 1916 года в небольшом сибирском городе Тара в Омской губернии, в семье инженера Ивана Иосифовича Лебедева. Дед моего деда – его полный тезка, Иосиф Иванович, был православным священником. В нашем роду до 20-х годов 20 века был неписанный обычай называть старшего внука в честь деда по мужской линии.

В 1926 году в Сибири начались массовые гонения на так называемых «бывших», на тех, кто поддерживал белых во время Гражданской войны. И дед моего деда, Иосиф, как православный священник был обвинен в том, что помогал колчаковцам. Так мой прапрадед стал врагом народа. Его расстреляли, и тогда мой прадед решил, что нужно срочно бежать. Семья переехала в Казань.

В Казани прадед устроился работать на завод, а дед Иосиф закончил среднюю школу, поступил в Казанский университет, закончил его, получил диплом инженера и устроился работать на оборонный завод.

В Казани, еще будучи студентом, дед познакомился с Яниной, семья которой тоже приехала в Казань из Белоруссии. Янина происходила из древнего польского дворянского рода, и у них тоже были все основания опасаться, что попадут под маховик репрессий против «бывших». Поэтому все члены семьи Станкевичей, чтобы не привлекать к себе внимания НКВД, взяли себе русские имена. Таким образом, моя бабушка уехала из Белоруссии Яниной Стефановной Станкевич, а в Казань приехала Ниной Степановной Людино.

22 июня 1941 года началась война. Иосиф сделал Янине предложение, и они расписались. Сразу после свадьбы Иосиф ушел добровольцем на фронт. На тот момент он работал на оборонном заводе инженером. У него была возможность получить бронь от призыва, но ему и в голову не пришло в такой напряженный для Родины момент отсиживаться в тылу, несмотря на то что советская власть не была благосклонна к его семье. Иосифа Лебедева не направили сразу на фронт, а определили на курсы сержантского состава, после которых он получил звание младшего сержанта и был направлен в резервные части Юго-Западного фронта командиром отделения в артиллерийский полк.

Впервые в боевых действиях Иосиф Лебедев принял участие во время грандиозной военной операции «Уран» (19 ноября 1942 – 2 февраля 1943-го, начало Сталинградского разгрома и окружения армии Паулюса), его часть отражала танковые атаки фашистов, которые рвались в Сталинград, чтобы деблокировать зажатые там немецкие войска. Но у немцев ничего не получилось, наши войска встали насмерть и не пропустили танки в Сталинград, после чего войскам Паулюса пришлось сдаться. Во время боев Иосиф получил ранение в ногу и попал в госпиталь.

Пока дед лечился от полученных ранений, Юго-Западный фронт был расформирован, и Иосиф после выписки из госпиталя был отправлен служить на Центральный фронт. Летом 1943 года его дивизия участвовала в грандиозном танковом сражении на Курской дуге. Дед служил в артиллерийском полку, который отражал атаки тяжелых немецких «тигров» и новейших танков (позже были признаны лучшими немецкими танками Второй мировой войны) – «пантер». Помимо того, что дед командовал отделением, он был комсоргом. Когда в его батальоне были убиты или тяжело ранены все офицеры, принял командование на себя. Лебедева тоже ранило, но он оставался в сознании. Во время боя не было никакой возможности эвакуировать раненых с поля боя, кругом творился настоящий ад, и мой дед лежал отдавал приказание солдатам. Они выстояли и не пропустили через свои позиции танки, а потом

наши резервные части нанесли фашистам ошеломительный удар и фашисты побежали, а Иосифа наконец-то вынесли с поля боя и отвезли в госпиталь. Он был тяжело ранен в плечо, а некоторые мелкие осколки попали в область сердца. Ранение не было смертельным, и деда поставили на ноги. Но один осколок так и не смогли удалить, так как он находился слишком близко к сердцу и врачи испугались, что операция по его удалению может плохо кончиться.

Командование высоко оценило то, что он, будучи раненым, замещал офицеров батальона, то, что батальон под его командованием не отступил, ни один боец не убежал с позиций, то, что напротив их окопов осталось много сожженных немецких танков. Иосиф был награжден орденом Красной Звезды. После выздоровления ему был предоставлен 10-дневный отпуск домой. Затем Иосифа Ивановича направили на учебу в Рязанское Краснознаменное пехотное училище. Тогда срок подготовки офицеров был довольно коротким, а для сержантского состава, принимавшего участие в боевых действиях, и вовсе мизерным. Через два с половиной месяца Иосиф Лебедев получил звание младшего лейтенанта и был направлен в 53-й офицерский полк. Такие подразделения были укомплектованы преимущественно офицерами, которые имели богатый боевой опыт.

После Курской битвы было создано 8 офицерских полков, которые подчинялись непосредственно разведуправлениям фронтов и использовались для рейдов в тыл врага, а также для операций по уничтожению воинских немецких подразделений и бандформирований (бывшие полицаи, бандеровцы, «лесные братья», польский легион СС, прибалтийские добровольческие легионы СС, батальон «Бергман», состоявший из представителей Северного Кавказа, и др.) остававшихся на освобожденных территориях.

А кроме того, офицеры полка проходили спецподготовку, которую преподавали инструкторы знаменитой в/ч 9903. Эта часть, созданная в июле 1941 года, готовила диверсантов и партизан для борьбы с оккупантами в тылу врага. Командовал ею герой гражданской войны в Испании и легендарный диверсант Артур Спрогис, которого своим учителем называл «дедушка русского спецназа» Илья Старинов. В той части обучались Герои Советского Союза Григорий Линьков (командир партизанско-диверсионного отряда, позывной Батя); Константин Заслонов (командир партизанско-диверсионного отряда, псевдоним Дядя Костя); Николай Кузнецов (диверсант-разведчик, лично казнивший 11 немецких генералов и высших оккупационных чиновников на Украине, о нем был снят фильм «Подвиг разведчика»); Дмитрий Медведев (командир партизанско-диверсионного отряда «Победители»); Анна Морозова (разведчица, руководитель подполья в Брянской области); Вера Волошина, Зоя Космодемьянская и Елена Колесова (разведчицы-диверсантки).

Иосиф Иванович, как и большинство советских солдат и офицеров Красной армии, мечтал участвовать в штурме Берлина. Но судьба распорядилась иначе. Рота, где служил Иосиф Лебедев, была передана с 1-го Украинского фронта (совместно с 1-м Белорусским штурмовал Берлин) на 2-й Украинский, который в конце марта 1945 года был перенацелен на Вену. Иосиф Иванович вспоминал, что австрийцы встречали русские войска не так, как немцы (считавшие русских оккупантами). Жители Вены радовались освободителям, действительно выбегали на улицы с цветами, которыми буквально забрасывали советские танки и красноармейцев. Хотя Австрия и считалась частью Германии (после мартовского аншлюса 1938 года), но сами австрийцы считали немцев не союзниками или согражданами единой империи, а оккупантами.

Но и после войны деду пришлось еще повоевать. Целый год он на территории Польши ловил по лесам бывших пособников нацистов из бывших националистических отрядов, сформированных из жителей Украины и Белоруссии. После 9 мая 45 года многие из этих предателей оказались на территории Польши, где терроризировали местное население. Там советские и польские отряды действовали совместно.

Иосиф Иванович Лебедев

Демобилизовали Иосифа только в 1946 году. Он, как и многие фронтовики, не любил рассказывать о войне. Более всего из своих медалей он гордился «Красной Звездой», так как она была получена за Курскую дугу. У него вообще, несмотря на то что он участвовал во многих сражениях, самые яркие воспоминания остались именно о Курской битве. Дед говорил, что именно там мы сломали фашистов, а потом уже добивали. Также он был совершенно

уверен в том, что главным и самым талантливым полководцем Второй мировой войны был не Георгий Жуков, а Константин Рокоссовский. Причем данное мнение разделяли большинство фронтовиков. Которые считали Жукова не «маршалом Победы», а... не очень профессиональным тираном и губителем красноармейцев. Ведь большинство посреди советских солдат и офицеров. А вот Рокоссовский солдат берег и успехов добивался исключительно за счет воинского таланта. Но в советские времена данное мнение безопаснее было не особо афишировать.

После войны дед работал на авиационном заводе. У него родились две дочери – Ирина и Валентина. Один его внук, один правнук и одна правнучка носят его фамилию, чем очень гордятся.

Иосиф Иванович умер в 1961 году, его «догнал» тот осколок, который не смогли достать хирурги после ранения на Курской дуге. Мой дед похоронен в Казани на кладбище в Кировском районе. Мы, его внуки, родились через несколько лет после его смерти. Когда я был маленьким, я часто смотрел на его фотографию в старом семейном альбоме, мысленно с ним разговаривал и всегда очень жалел, что не смог увидеть его живым. Я очень горжусь моим дедом Иосифом, для меня он тот человек, который был настоящим мужчиной и героем.

Его награды и офицерская книжка хранятся у нас, его внуков. Это наша главная семейная реликвия, и она будет передаваться из поколения в поколение.

Роман Лебедев

Сын полка

Рассказ дочери

Мой папа, Лучинкин Сергей Иванович, родился в 1932 году. Когда началась Великая Отечественная война, его отца забрали на фронт, он с двоими братьями (папа – средний) остался дома с мачехой в деревне Ваулово в Подмосковье.

Он был очень смелым мальчишкой и сбежал из дома на фронт. Папа был сыном полка, он прошел всю войну в составе 335-го стрелкового полка 58-й стрелковой дивизии Первого Украинского фронта.

Сын полка

Он был разведчиком. Мальчишка – немцы не очень обращали на него внимание, и он пробирался в захваченные ими села и города и узнавал, где у них скрыты танки, пулеметы, где расквартированы по домам фашисты, где их штабы, а потом скрытно возвращался к своим и докладывал все добытые сведения.

Он никогда не рассказывал мне о войне. Один раз я попросила его рассказать что-нибудь, что запомнилось очень. Он сказал: «Знаешь, дочка, как-то после тяжелых боев наш

полк отправили в тыл на переформирование, потому что очень мало бойцов осталось. Через неделю нас погрузили в эшелон, и мы снова ехали на фронт. Остановились на каком-то полустанке пропустить встречный эшелон и тут налетели немцы и стали бомбить нас. Разбегались, прятались, кто куда мог, а когда бомбежка окончилась – вокруг была страшная картина. Люди, с которыми ты только что сидел рядом, о чем-то говорил, кто-то пил чай, кто-то на гармонии играл, только что – пять минут назад! – и их уже нет, они убиты, кто-то тяжело ранен, у кого-то оторваны руки, ноги – это так страшно!» И папа заплакал. Я больше никогда не просила его рассказать о войне.

Он прошел всю войну, освобождал Прагу в Чехословакии, г. Сандомир в Польше, награжден пятью медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Праги».

Из рядов Красной армии гвардии ефрейтор Лучинкин Сергей Иванович убыл в 1946 году 14-летним пареньком с пятью наградами на груди.

Он поступил в харьковское ремесленное училище, окончил, работал слесарем в г. Кривой Рог. Он был очень скромным. И когда его призвали в армию, он никому ничего не сказал и отслужил положенный срок. И только когда в 1965 году в газету «Юный ленинец» написал его товарищ о боевом прошлом и наградах папы – его разыскали пионеры Кривого Рога, и папу приглашали на слеты в другие города страны, на праздники в школы и училища.

Последние годы папа тяжело болел, в 1984 году мы привезли его в Керчь, а в 1985-м его не стало, ему было 53 года.

Вот такие преданные Родине были душа и сердце у моего папы, когда фашисты рвались к Москве, он сбежал на фронт и защищал нашу Родину до Победы!

Записал Андрей Михайлович Кечин

Летать хотелось – романтика!

Мой отец, Петр Петрович Хоботов, более 60 лет отработал на «Электросиле» – старейшем предприятии Ленинграда – Санкт-Петербурга. 17-летним пареньком в июне 1939 года пришел он сюда учеником токаря-револьверщика. Выбор был, в общем-то, случаен: просто настала пора самостоятельно зарабатывать на жизнь, беззаботное детство ушло навсегда – в 1937-м погибла мать, через два года умер отец.

Для оставшегося без родителей паренька завод, естественно, стал вторым домом. Настырный, старательный, отец уже с юношеских лет заметно выделялся в рабочем коллективе и даже успел в предвоенный период получить благодарность от министра за досрочное выполнение важного задания.

А чего удивляться? В те годы все старались работать, не отлынивали. Было почетно хорошо делать дело, а плохо – унижительно. А отец был к тому же еще и комсомольцем, это тоже заставляло стараться.

Живо и отчетливо сохранила память отца годы войны, окрашенные незабываемым фронтовым братством и романтикой далекой молодости...

Петра Хоботова еще до начала войны призвали в армию, весной 1941-го. Жил он тогда на Средней Рогатке (это самая южная окраина Ленинграда). Его родители перебрались сюда когда-то с Псковщины. Вряд ли сумел бы он прижиться в центре, а здесь – почти село. Немецкие слободки возле завода Бергервирта, двухэтажные домики, совхоз молочный, пруды... А когда в 1947 году домой вернулся – не узнал.

...Первая бомбежка настигла отца уже в сентябре – под Тихвином. Училище техников по вооружению, где Петру Хоботову предстояло учиться, срочно переформировали в школу. И через несколько месяцев их уже выпустили сержантами и старшинами.

Рабочие войны... Их путь, может, не был столь опасен, как судьба летчиков. Но снаряды доставали не только в воздухе. На аэродроме под Тамбовом Хоботов получил свое первое ранение. Не тяжелое, но поправка требовала времени. До окончательного выздоровления работал на авиационном заводе неподалеку от Саратова. Оттуда по чьей-то воле был направлен в академию им. Жуковского в Москву, хотя был всего лишь старшиной. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая служба, не окажись в их общежитии «покупатель» – командир одной из летных частей, базирующихся под Москвой. Так в начале 1943 года отец оказался в полку, с которым ему предстояло пройти до конца войны. Сначала в прежнем качестве – механика по вооружению, затем – воздушного стрелка на штурмовиках Ил-2 и Ил-10.

Петр Петрович Хоботов

«Это люди взрослые осторожны и умеют думать наперед, – рассказывал мне отец, – а мы-то ведь на фронте, считай, пацаны были. Конечно, летать хотелось, романтика!.. А тут, неожиданно для всех, от несчастного случая погиб стрелок одного из самолетов. Ну я, недолго размышляя, и подал заявление: мол, прошу зачислить... Мой непосредственный командир пытался было отговорить, отсоветовать, но куда там!»

Отец никогда не жалел принятом решении. Это сегодня страшно вспоминать годы войны. А там бояться было нельзя. Восприятие жизни было иным, к опасности относились как к реальности, естественной закономерности, что ли. Он ведь пятерых летчиков пережил... И все потому, что Илы устроены так, что малейшего повреждения кабины летчика достаточно, чтобы ее заклинило. А у стрелков она, к счастью, открывалась почти автоматически.

«Раз еще над вражеской территорией нас подбили, – вспоминал как-то отец. – Разумом успел оценить ситуацию – лучше разбиться, чем к фашистам, секунды какие-то, подсознание, что ли, сработало, заставило жить – очнулся уже с парашютом. Вижу, их истребитель заходит сбоку. Дернул стропы – и камнем в землю. Лежу, не шелохнусь. Видимо, решили, что всё, мертвый. Улетели. А я 22 дня до своих добирался. Дело было вблизи Карпат, кругом бандеровцы. Даже на своей уже территории в деревни заглядывал осторожно, спал же по-прежнему в лесу, так надежнее».

А однажды неожиданно-негаданно отец получил месячный отпуск от войны, это тоже на Украине было. Петр Хоботов вместе с однополчанами ждал задания. О его цели им неизвестно было до последней минуты. Понимали лишь, что задание будет нелегким, приказали никуда не отлучаться. Оказывается, предстояло абсолютно неожиданно для немцев разбомбить отлично засекреченный аэродром под Станиславом (город неподалеку от Львова). «Бой был жуткий, – говорил потом отец. – Мы бомбили и стреляли с воздуха, а они – из орудий с земли. Над городом зависло темное облако от дыма, горели ангары. Мой командир ас был, в этом облаке и скрывался. Нас вызывают, а мы молчим, стоит раскрыть себя – фашистские истребители тут как тут. Выполнили задание, вырвались из пекла, все вроде хорошо шло. И откуда ни возьмись вынырнул истребитель, дал очередь... Короче, задело нас. Но командир сумел дотянуть до линии фронта и даже посадил самолет на горюшку поблизости хутора Березы. Он отправился в часть, а я почти месяц караулил нашу машину...»

На счету Петра Петровича Хоботова – 196 боевых вылетов на Ил-2 и 7 – на Ил-10. Его фронтовая служба отмечена 4 орденами и 14 медалями. Среди них ордена Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, два Отечественной войны, медали «За отвагу», «За освобождение Праги», «За победу над Германией», чехословацкая медаль «За храбрость» и другие. Боевые награды навсегда сохраняют для внуков и правнуков память не только о доблести их деда, но и об истории страны...

Война для отца закончилась 12 мая в Восточной Германии. А потом, до весны 1947-го, до марта, чтобы солдаты успели к посевной, воевали они с бандеровцами в Западной Украине.

Вернулся в Ленинград, вместо дома – пустырь. Первую ночь провел на Витебском вокзале. Потом, до женитьбы, у друга жил. На Псковщину съездил – еще страшнее: если б не знал, не поверил, что когда-то там деревни были да хутора. Чертополох, иван-чай и лишь кое-где остатки фундаментов...

По словам отца, только «Электросила» и ждала его, и он не раз мысленно и вслух говорил «спасибо» заводу – за то что помог, поддержал в трудную минуту. Пришел в свой цех – и началась мирная жизнь...

Что меня еще поразило в биографии отца? Вернувшись с войны, Петр Петрович Хоботов решил, несмотря на возраст, пойти учиться в заводской техникум. Но слишком огромен был разрыв между оконченной некогда семилеткой и предстоящими экзаменами... Поэтому, одновременно с подготовительными курсами, он окончил седьмой класс вечерней школы!

Токарь-револьверщик, настройщик станков, сменный мастер, старший диспетчер, старший мастер, контрольный мастер – нелегко было людям его поколения, травмированного войной, подниматься по служебной лестнице, они могли рассчитывать только на свои силы.

Когда я иногда спрашивала отца, о чем он мечтает, он всегда говорил одно и то же: «Пройтись бы по тем местам, где воевал...» И сетовал, что из однополчан их осталось только двое. А ведь в 1943 году в полк пришли 250 ребят!

Петр Петрович Хоботов

Его рассказы, как, впрочем, и большинство воспоминаний ветеранов о войне, эпизодичны. Но главное прослеживалось четко: «до войны» – светлое и радостное, наполненное мечтами о будущем время и «после» – отмеченное горечью тяжелых, невозвратимых потерь возвращение к жизни.

...Но им, по крайней мере, было что вспомнить.

Ольга Петровна Фадеева, дочь

Парень из нашего города

Винников Павел Иванович (1926–1986)

Хочу рассказать про своего отца Винникова Павла Ивановича.

Отец никогда не считал себя героем войны. Говорил: «Воевала вся страна, я делал то, что делали все». Про войну рассказывал мало, в основном смешные случаи из фронтового быта. Очень любил смотреть фильмы про войну, снятые в конце 40-х, в 50-е и 60-е годы, считал, что они наиболее реалистично рассказывают о событиях той войны.

Под обстрелом

В июне 41-го моему отцу было 15 лет. Он только что окончил школу ФЗО и пошел работать токарем на завод «Эмальпосуда». О начале войны отец узнал в кинотеатре – смотрели компанией фильм «Парень из нашего города». Сеанс прервали на середине, зажегся свет, вышла директор кинотеатра и сказала: «Товарищи! Только что по радио сообщили, что началась вой на!» Первая реакция и крики были: «Шапками закидаем!!!»

Во время первой оккупации Ростова-на-Дону отец сбежал из города, чуть не погибнув: попал под обстрел немецких автоматчиков. Дойдя до первой воинской части, назвал фамилию и попросил, чтобы его отвели к командиру полка. Ну а, так как дед был военным, его знали многие офицеры, отцу было доверено возить донесения через Ростов на Каменку. Экипировка была немецкая, лошадь – монголка. Зимой ночи длинные, поэтому успевал съездить в оба конца. После освобождения Ростова пришел домой за вещами и сообщил матери, что уходит на фронт. Бабушка, будучи женой военного и довольно крутого нрава, «отходила» скалкой и сказала: «Молоко на губах не обсохло, вояка!» Пришлось отцу идти токарем на завод «Ростсельмаш». В декабре 1941 года его и еще несколько пацанов отправили на строительство оборонительных сооружений вокруг Ростова-на-Дону. Там они работали до Нового года.

Повторно Ростов-на-Дону был захвачен немецкими войсками 29 июля 1942 года. Во время первой волны наступления, 24 июля, когда первые подразделения немецких войск только-только начали входить в город, отец опять убежал из Ростова. Переправился вплавь через Дон и пешком добрался до Батайска. Там он примкнул к морским пехотинцам. Морпехи готовили позиции для прикрытия отхода наших войск. Пришел приказ на отход к Новороссийску. На станции Тихорецкая состав, в котором они ехали, попал под налет немецкой авиации. Отец, уже успевший сменить к тому времени гражданскую одежду на тельняшку, бескозырку и брюки клеш, во время бомбежки был контужен и потерял сознание. В этой суматохе никто не стал разбираться. Раз в форме – значит, солдат. И отца повезли в военный госпиталь, в Актюбинск. Только там, в тылу, по выздоровлении было установлено, что он не военнообязанный.

На переднем крае

После госпиталя отец был направлен в Самарканд, в школу радиоспециалистов. 23 февраля, после принятия воинской присяги, часть, в которой служил отец, была переброшена на передний край и вступила в бой. Во время наступления отец был ранен: боец, бежавший за ним, наступил на мину. 18 осколков вытащили хирурги из левой ноги, спины и шеи. Операция проходила без наркоза. Старый хирург сказал: «Терпи, сынок». После эвакуации

питался, в мае 1943 года, его направили в 76-ю гвардейскую стрелковую дивизию, которая дошла, через Белоруссию и Польшу, до Эльбы и к концу войны носила гордое имя: «76-я гвардейская Черниговская Краснознаменная, ордена Богдана Хмельницкого стрелковая дивизия».

В составе 234-го гвардейского стрелкового полка этой дивизии на должности радиоспециалиста 5 июля 1943 года принял бой в свой восемнадцатый день рождения рядовой Винников Павел Иванович. За бои в районе города Белева был награжден медалью «За боевые заслуги». Осенью 1943 года отец принимал участие в освобождении Чернигова и штурме «Восточного вала», 6 раз форсировал Днепр. Обеспечивал радиосвязью штаб батальона со штабом дивизии. За беззаветное мужество, упорство и воинское умение, за освобождение Чернигова и форсирование Днепра радиоспециалист Винников Павел Иванович приказом Верховного главнокомандующего был награжден орденом Красной Звезды.

Павел Винников

В ноябре 1943-го дивизия вела упорные бои в лесах близ Абрамовки, форсировала Брагинку. С 15 по 21 ноября в боях на западном берегу Брагинки было уничтожено большое количество немецких солдат и офицеров, огневых точек, сожжено и подбито 10 танков. Захвачено 2 склада с боеприпасами и вооружением. Но и дивизия понесла значительные потери. 20 ноября отец был ранен в правую ногу. За эти бои он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Потом снова были госпиталь, выздоровление и возвращение в полк, только уже на должность заместителя командира взвода радиоспециалистов. Далее освобождение Белоруссии, битва за освобождение Бреста, освобождение Восточной Польши. Понесла большие

потери, 26 октября 1944 года 76-я гвардейская дивизия, наряду с другими соединениями 70-й армии, была выведена в резерв фронта. А 6 декабря командир дивизии А. В. Кирсанов направил отца для прохождения учебы в 1-е Московское высшее командное училище им. Верховного Совета РСФСР. Вот так и закончился 2-летний фронтовой путь.

После празднования Дня Победы началась подготовка к Параду Победы, назначенному на 24 июня 1945 года. Днем тренировались в расположении училища, ночью на Ходынском поле, потом непосредственно на Красной площади. А 24 июня 1945 года Винников Павел Иванович в составе 1-го Московского высшего военного командного училища им. Верховного Совета РСФСР принимал участие в Параде Победы на Красной площади. В конце 1945 года вышел приказ о демобилизации из армии лиц, имеющих 2 и более ранений. Отец был демобилизован и вернулся в Ростов.

Война после Победы

Но для него война продолжалась до 1947 года. Здесь, уже на сверхсрочной службе, за участие в разгроме банд гвардии старшина сверхсрочной службы Винников получает вторую медаль «За боевые заслуги». А позже нашла его и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Сверхсрочно отец прослужил до 1959 года. По состоянию здоровья был комиссован на пенсию.

Павел Иванович Винников

После службы он работал в системе инкассации, окончил учетно-кредитный техникум. Работая в должностях инспектора отдела, заместителя начальника Ростовского управления инкассации и перевозки ценностей, прикладывал все усилия к повышению эффективности и безопасности работы отделов инкассации области и внутриобластных перевозок.

Но война дала о себе знать. Последствия контузии сказались через двадцать три года. В феврале 1986 года отец скончался.

Память о нем я передаю своим детям. Дочери пишут про него сочинения, с его фотографией мы ходим в составе «Бессмертного полка» с 2013 года. Хотя он и был простым тружеником войны, никогда не искал обходных путей. Отсидеться в тылу было не в его характере. Поэтому я хочу, чтобы люди знали и про него, чтобы потомки помнили и гордились.

Юрий Винников

На войну с Красной площади

Больше семидесяти лет отделяет нас от победы, ушли в мир иной ветераны той войны, остались лишь крохи их воспоминаний, да и те канули в забвение. Мой отец, Абраменко Василий Феокистович, одним из первых из поселка Трудармейский был призван в действительную армию. На гражданке побывать пришлось недолго, прошло всего несколько месяцев, как демобилизовался из армии. Служил в кавалерии в городе Татарске Новосибирской области, а когда японские милитаристы начали военные действия на Дальнем Востоке, часть перевели в Забайкалье, на станцию Даурия. К концу службы он был помощником командира взвода, учил молодое пополнение ухаживать за лошадьми, джигитовке, рубить саблей лозу; уход за конем для отца был не в новинку. Будучи еще подростком, в деревне Кабаклы выращивал лошадей, предназначенных для Красной армии. Вот его рассказ.

В далеком сорок первом

«В 1941 году из Новосибирска в теплушках, где размещались еще семь лошадей, прибыли под Москву. Здесь на одном из аэродромов организовывалась воинская конно-механизированная дивизия. Пришло пополнение необученное, лошади совсем не кавалерийские, взятые у колхозников, приходилось всему учить солдат заново. Даже кони должны ходить в колонне и не бояться выстрелов.

С 6 на 7 ноября нас подняли по тревоге, а до этого за несколько дней был строевой смотр, – вспоминает Василий Феоктистович, – и наш кавалерийский эскадрон осматривал С. М. Буденный. Дошел он и до меня. А на мне прожжённая шинелька, драные кирзовые

сапоги – в общем, вид совсем не военный и не боевой. Осмотрел маршал свое войско, и на следующий день нам выдали новое обмундирование, зимнее, даже всех одели в белые полушубки.

Подъем по тревоге – и по команде передали, что идем на Красную площадь, где будет проходить парад, и на нем будет присутствовать все правительство и сам товарищ Сталин. Погода мерзкая. Морозец, ветер и снежок. Как парад проходил, плохо запомнилось, волнение, конечно, сказывалось. Лошадь в строю держать, да и на трибуне сам Сталин. Прямо с Красной площади – войска на фронт. Шли пехотинцы, артиллеристы, танкисты, и в колоннах мы – кавалерия.

С Красной площади походным маршем наш эскадрон отправился на фронт. С собой два мешка: один с овсом для лошади, другой с обмундированием, карабин за плечом да шашка на боку».

К середине ноября сложилась неблагоприятная обстановка для наших войск, грозившая полным окружением города Тулы, тем самым открывался оперативный простор на Москву. Попросту войск там наших не было. Тридцать первая кавалерийская дивизия, куда попал Василий Феоктистович, уже вела упорные бои. Продолжая наступление на Каширском направлении, гитлеровцы вышли в район населенных пунктов у Гришино, Оленьково, Мордвес. Этим они разрезали 50-ю армию на две части. Чтобы помешать немецкому командованию вести в прорыв свои войска, тридцать первой кавалерийской дивизии приказано начать активные действия у него в тылу на коломенском направлении. Кавалеристы нарушали коммуникации врага, нападали на продовольственные и военные обозы. Уничтожали живую силу противника, в том числе и танковые части. В результате кровопролитных боев кавалеристы 31-й дивизии освободили населенные пункты Горшковка, Киселёвка, Ильинка.

«...как-то ушли в разведку, слышим, гудит машина. Мы притаились в кустах, и, как только появился автомобиль, я швырнул в него гранату. Оказалась штабная машина, направлялась в свою часть. Забрали документы у подстреленного офицера, а из них выпала фотография, на ней изображены были красивая молодая женщина и двое белокурых ребятишек рядом. Под Тулой лежит тот немецкий лейтенант.

В такие рейды по тылам противника наши кавалеристы ходили регулярно. Лошадь в лесу оказалась намного практичнее, чем любой вездеход».

«В боях с немецкими оккупантами у деревни Чернышино Смоленской области, – вчитываюсь в рукописный текст наградного листа – будучи автоматчиком, неоднократно заходил в тыл противника, откуда наносил удар по фашистам, лично сам уничтожил до 15 немцев. Товарищ В. Ф. Абраменко удостоен правительственной награды – медалью «За боевые заслуги».

Участвовал отец и в форсировании Днепра, за взятие города Луцка награжден орденом Красной Звезды. В этих боях получил осколочное ранение и после излечения был послан учиться в Новочеркасское кавалерийское училище. Но война окончилась, и армия в боевых офицерах больше не нуждалась.

Еще раз отец прошел по Красной площади в составе сводного кавалерийского полка. Говорил, что того волнения ему так и не удалось забыть: как маршал Жуков на белом коне выехал из ворот Спасской башни, как грянул оркестр «Слався!», как раздалось громогласное «ура»...

Как-то сидели за праздничным столом всей большой семьей, День Победы отмечали. А по телевизору шел документальный фильм Кармена «Неизвестная война». И вот показывают Парад Победы сорок пятого года, и все вдруг видим молодого отца. Он на коне, в правом ряду строевой колонны. Слезы так и выступили у всех нас. Ведь такое событие: Парад Победы на красной Площади! И наш отец – его участник...

Сергей Абраменко

В застенках концлагеря

Огромное количество наших соотечественников были зверски убиты в германских концлагерях. Лишь единицы смогли выжить.

Мой прадед Филипп Николаевич Казаков и односельчанин Анатолий Иванович Новосельцев тоже были узниками концлагерей. У меня появилась уникальная возможность рассказать со слов очевидцев об условиях, в которых жили люди, находясь в плену у фашистов. Я хочу отдать дань памяти всем тем, кто вытерпел ужасы плена, выжил или погиб в застенках концентрационного лагеря.

Узник Бухенвальда

Мой прадед, Казаков Филипп Николаевич, родился в 1903 году. Вырос в селе Волхончино, Кондольского района, Пензенской области. В довоенные годы прадед работал в колхозе. Когда началась война, ему исполнилось тридцать восемь лет, и он добровольцем ушел на фронт. Всю войну прошёл пехотинцем. Был награжден орденом Красного Знамени и медалью «За отвагу».

В одном из тяжелых боев в 1943 году прадед Филипп был тяжело контужен, потерял сознание. Когда пришел в себя, оказалось, что его вместе с другими солдатами взяли в плен.

Узники Бухенвальда

Дальше было долгое тяжелое время плена в лагере Бухенвальд. Моя мама, Макеева Людмила Петровна, часто рассказывает мне о том, как прадед жил в плену. Фашисты издевались над пленными, кормили настолько скудно, что организм переваривал собственное тело. От человека оставались только кожа и кости. Кусок хлеба и жидкая похлебка из гнилых овощей единожды в день – вот весь рацион. Трудно представить, как можно было просто выжить при таком питании, не то что работать.

Прадед говорил, что в плену ни у кого не было имён, только номер. Заучить свой порядковый номер на немецком языке узник должен был в течение первых суток. Номера пришивались на одежду вместе со специальным значком, указывающим национальность. За цифрами руководство лагеря не видело человека, жизнь которого равнялась росчерку пера.

Фашисты заставляли пленных много и тяжело работать. Труд в концлагере можно охарактеризовать как средство физического уничтожения заключённых. Сон был кратким, и зачастую всю ночь пленные страдали от насекомых-паразитов. Боролись с ними полным бритьем волос и ежедневным тщательным осмотром друг друга. Но помогало это слабо. На вопрос родственников «Что было самым страшным в концлагере?» прадед, вздыхая, рассказывал, как фашисты ставили опыты над пленными: людей оперировали без наркоза, безжалостно стерилизовали и кастрировали, убивали посредством неизвестных уколов в сердце.

Иногда солдаты не выдерживали пыток. Некоторые переходили на сторону врага, многие пытались бежать из плена. Если кто-то бежал, рассказывал прадед, то всех заключенных из его блока убивали. Это был весьма действенный метод препятствовать попыткам бегства. «Чтобы другим неповадно было», – говорил прадед Филипп.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.